Джон Рональд Руэл Толкин

РОВЕРАНДОМ

Эта книга посвящается памяти Майкла Хилари Руэла Толкина

[Печатается с незначительными сокращениями.]

Летом 1925 года Дж. Р. Р. Толкин, его жена Эдит и их сыновья, восьмилетний Джон, пятилетний Майкл и Кристофер, которому еще не было и года, выехали на отдых в Файли, городок на Йоркширском побережье, и по сей день пользующийся популярностью у туристов. Это было что — то вроде незапланированных каникул. Толкин только что получил назначение на должность профессора англосаксонской филологии в Оксфорде (он намеревался приступить к обязанностям 1 октября), однако одновременно ему предстояло еще целых два триместра преподавать в университете г. Лидса, и можно предположить, что поездку эту он предпринял, чтобы поднабраться сил.

Итак, в течение то ли трех, то ли четырех (точно неизвестно) недель Толкины снимали в Файли особняк в эдвардианском стиле, расположенный на самом высоком обрыве во всей округе. Окна дома выходили на песчаный берег и открытое море, и ничто не заслоняло вида на восток. Благодаря этому в течение двух или трех дивных вечеров подряд Джон Толкин — старший мог наблюдать изумительную картину, которая произвела на него неизгладимое впечатление: из моря вставала полная луна и протягивала по воде свою сверкающую серебряную дорожку.

В то время у маленького Майкла была игрушка, которую он обожал, — крошечная черно — белая оловянная собачка. С ней он ел, спал и носил ее с собой повсюду, не расставаясь даже тогда, когда надо было вымыть руки. Однажды во время тех самых каникул в Файли малыш с отцом и старшим братом отправился на пляж. Увлекшись пусканием камешков вдоль поверхности воды, он положил игрушку на белую береговую гальку, и… та слилась с ней, стала невидимой!

Собачку искали весь тот день и весь следующий. Она так и не нашлась.

Сердце Майкла было разбито.

Толкин прекрасно понимал, что значит для ребенка потеря обожаемой игрушки. Видимо, именно поэтому ему пришло в голову придумать происшедшему «объяснение» — рассказ, в котором злой волшебник превращает живого пса по кличке Ровер в игрушку, потерянную затем на берегу маленьким мальчиком, очень похожим на Майкла. Далее по ходу повествования потерянный пес встречает забавного «песчаного колдуна» и не без участия того переживает удивительные приключения на Луне и на дне морском.

Именно таков сюжет «Роверандома», каким он окончательно запечатлелся на бумаге.

«„Роверандом“, написанный, чтобы доставить удовольствие Джону (и мне самому — по мере написания), завершен», — фиксирует Толкин в краткой дневниковой заметке, относящейся к 1926 году. Если сопоставить размеры сказки с ее фрагментарным характером, становится очевидно, что возникла она не сразу, а рассказывалась постепенно, частями. При этом Толкин явно все больше вдохновлялся повествованием: чем дальше, тем история становится все более увлекательной и изощренной. Однако, к сожалению, мы так никогда и не узнаем, присутствовали ли уже в том, первоначальном рассказе все «хитрые» обороты речи и многочисленные отсылки к мифам и легендам, которые свойственны сказке теперь, — или же они добавлялись, когда «Роверандом» стал обретать окончательное оформление на бумаге.

Поскольку память Толкина живо запечатлела сияющую над морем полную луну (чей вид совершенно очевидно положил основание путешествию Ровера вдоль лунной дорожки уже в самой ранней из версий «Роверандома»), семейство должно было находиться в Файли 2 сентября 1925 года, во время полнолуния. Определенно были они там и 5 сентября, когда на северо — восточное побережье Англии обрушился чудовищный шторм.

Снова в памяти писателя отпечатывается картина, подтверждаемая сообщениями из газет того времени. Уровень моря на много часов превысил предельную отметку, волны перехлестнули через волнорез и обрушились на прогулочную набережную, опустошив береговые постройки, перевернув вверх дном весь пляж и разрушив всякую надежду — если она еще оставалась — отыскать игрушку Майкла. Порывы ветра сотрясали особняк Толкинов столь свирепо, что семья не спала всю ночь. Родители даже опасались, что сорвет крышу.

Чтобы дети не испугались, отец всю ночь рассказывал им сказку. Именно тогда и начались похождения пса Ровера, который стал заколдованной игрушкой и получил кличку Роверандом. Шторм же, не исключено, лег в основу того эпизода сказки, где древний Морской Змей начинает пробуждаться, причиняя тем самым великие возмущения в погоде («…когда он разворачивал одно — два из своих колец, воды взбаламучивались, и сокрушали человеческие дома, и нарушали покой людей на сотни и сотни миль вокруг…»).

Возможно, в Файли был сделан и один из пяти толкиновских рисунков (в книге помещены два черно — белых рисунка, еще три выполнены акварелью), иллюстрирующих рассказ, — лунный пейзаж. Что касается еще трех иллюстраций к «Роверандому» — «Белый Дракон преследует Роверандома и лунного пса», «Дом, где начались приключения Ровера в виде игрушки» и великолепной акварели «Дворцовые сады морского царя», — то они совершенно точно относятся к сентябрю 1927 года, когда Толкины отдыхали на южном побережье Англии в Лайм — Регисе. Вероятно, то, что они снова очутились на море, вызвало в памяти события двухлетней давности… Наконец, еще один рисунок, где изображен Ровер, прибывающий на Луну на спине чайки Мью, датирован «1927–1928».

Можно предположить, хотя датированных рукописей или иных точных свидетельств у нас нет, что Толкин занимался изложением рассказа на бумаге в 1927 году. Именно в декабре этого года в одном из писем к своим детям от имени Рождественского Деда (из замечательной серии выходивших из — под его пера между 1920 и 1943 годами «Писем Рождественского Деда») он описывает посещение Северного полюса Человеком — на — Луне.

Там этот великий волшебник, присутствующий и в «Роверандоме», выпивает, закусывая сливовым пудингом [В «Роверандоме» сливы обожает волшебник, заколдовавший Ровера. — Прим. пер] и играя в «snapdragon» [«Snapdragon» — английская рождественская игра, в которой хватают ртом изюминки с блюда с горящим спиртом. («Snapdragon» возможно перевести также, как «дракон — трещотка», и тогда очевидна ассоциация с эпизодом с Белым Драконом из «Роверандома». — Прим. пер.)], затем, «перебрав лишнего», сваливается под диван и спит там весь следующий день. В это время на Луне разгулявшиеся драконы вылезают из своих нор, и испускаемый ими дым обволакивает ее столь густо, что возникает лунное затмение. Чтобы восстановить порядок вещей, Человеку — на — Луне приходится поспешить домой и прибегнуть к помощи устрашающего заклинания. Сходство этого эпизода и эпизода с Великим Белым Драконом из «Роверандома», где утверждается, что лунные затмения проистекают от затягивания Луны дымом, производимым зловредным драконом, слишком велико, чтобы быть случайным. И еще одна деталь указывает на данное время как на время записи текста «Роверандома»: упоминание в нем несостоявшегося затмения. В тексте говорится: «Следующее затмение сорвалось». И оно действительно «сорвалось», как сообщила лондонская «Таймс» по поводу лунного затмения, которое пришлось на 8 декабря 1927 года и оказалось полностью скрытым от наблюдателей на территории Англии плотной облачностью…

Существует четыре варианта текста «Роверандома». Наиболее ранний представляет собой двадцать четыре разрозненных тетрадных листа, исписанных размашистым, временами трудно поддающимся расшифровке почерком, с огромным количеством правки. За этим текстом последовали три машинописных варианта, так же как и первый, недатированных. В них Толкин постепенно удлиняет историю и вводит в нее множество новых выражений и деталей, не меняя, однако, сюжета по сути.

Не исключено, что второй из машинописных вариантов (тоже неоконченный) относится к 1936 году и что, судя по аккуратному внешнему виду, Толкин собирался представить его в занимавшуюся в то время публикацией «Хоббита» издательскую фирму Аллена и Ануина. («Хоббит» был принят издателями с восторгом и только — только запущен в производство; успех еще не был очевиден, однако Толкину сразу же предложили представить на предмет издания еще какие — нибудь истории для детей. Он обязался прислать книгу в картинках «Мистер Блажь», шутливую средневековую историю «Фермер Джайлс из Хэма» и «Роверандома».) Однако впоследствии по каким — то причинам этот вариант был писателем отвергнут.

И наконец третий, практически готовый к изданию машинописный вариант и есть тот самый текст, который Толкин представил Аллену и Ануину.

Известно, что глава фирмы Стенли Ануин для проверки читательской реакции дал прочесть повесть своему сыну. Но хотя тот и нашел ее «хорошо написанной и забавной», к публикации она не была принята. Полагают, так произошло оттого, что вышедший к тому времени «Хоббит» имел столь бешеный успех, что Аллен и Ануин желали непременно развития темы хоббитов.

Отныне Толкин был полностью поглощен работой над произведением, ставшим впоследствии его шедевром, — «Властелином Колец». «Роверандом» же не рассматривался издателями вплоть до 1998 года…

Можно безо всякого преувеличения утверждать, что не будь на свете «Роверандома», не появился бы и «Властелин Колец» — ведь именно тот энтузиазм, с которым подобные «истории для домашнего пользования» принимали дети писателя, в конце концов и привел к работе над «Хоббитом» и его продолжением. Большинство таких историй оказывалось «однодневками». Некоторые записывались, однако до конца доводились немногие. Толкин начал вживаться в роль рассказчика к 1920 году, когда написал свое первое «Письмо Рождественского Деда». Потом были еще истории про злодея Билла Стикерса, про крошечного человечка Тимоти Титуса и про огненно — рыжего Тома Бомбадила, чьим прототипом послужила датская кукла Майкла. Ни одна из этих историй не получила развития. Один только Том Бомбадил обрел позже новую жизнь — в поэмах и во «Властелине Колец».

В отличие от всех этих историй «Роверандом» завершен, мастерски отточен и обладает наибольшим среди всех «домашних» выдумок того времени своеобразием. Текст сказки насыщен безудержной словесной игрой. Здесь и звукоподражания, и аллитерации, и стилизация под детскую устную речь («фью — у–у», «плюханье», «пузико»), равно как юмористически — длинные описания («…парафернали и, инсигниции, меморандумы… символы, своды рецептов, магические напитки, приборы, а также мешки и бутылки самых разнообразных заклинаний…»), и парадоксальные повороты текста («…и он мгновенно растворился в разреженном воздухе. А ведь только тот, кто никогда на Луне не бывал, и сможет рассказать вам, какой разреженный там воздух»)…

Правда, кое — кому язык сказки при всей своей свежести может показаться чересчур сложным для маленьких детей. Однако сам Толкин с такой точкой зрения не согласился бы. «*Богатый язык*, — писал он, — в*озникает не от чтения книг, написанных в соответствии с чьими — то понятиями о языке определенной возрастной группы. Он возникает из чтения вневозрастных книг*» (Письма Дж. Р.Р. Толкина / Letters of J. R. R. Tolkien, 1981). «Роверандом» примечателен еще и тем, что в произведении задействовано множество самых разнообразных автобиографических и литературных реминисценций. Прежде всего, герои сказки — это, конечно, семья Толкинов и сам автор. Мы видим коттедж и песчаный пляж, сияющую над морем луну, шторм и чувствуем настроение, царившее в семье после пропажи собачки. Кроме того, в сюжет то здесь, то там вкраплены сентенции автора по поводу весьма заботившего его загрязнения окружающей среды. К этому Толкин добавляет целую россыпь отсылок к мифам и волшебным историям разных народов: тут Красный и Белый Драконы из британской легенды о короле Артуре и

Мерлине; и всевозможные мифические обитатели моря — русалки, Нйорд, Старик — из — моря; и Великий Змей Мидгарда из скандинавских саг… Заметны и отзвуки широко известных в то время английских детских книг — «Псаммед» Э. Несбит, «Алисы в Зазеркалье» и «Сильвии и Бруно» Льюиса Кэрролла, «Сказок просто так» Р. Киплинга… И, как ни удивительно, весь этот разношерстный материал великолепно уживается. С некоторой долей несовместимости, конечно, но зато и с массой удовольствия — для тех, кто способен узнавать намеки.

В лекции 1939 года «О волшебных историях» Толкин критикует многочисленные описания фей и эльфов в виде «цветочных малюток с крылышками, как у бабочек». Однако во времена «Роверандома» он и сам еще не чурался эксцентричных идей наподобие лунных гномов, скачущих верхом на кроликах и готовящих блины из снежных хлопьев, или морских фей, путешествующих в запряженных крошечными рыбками колесницах из ракушек. Позже писатель признавался, что в 20—30–е годы он все еще «*пребывал под влиянием обычая считать „волшебные истории“ адресованными детям*». В соответствии с этим в сочинениях того времени он иногда прибегает к переработке образов и методов, типичных для традиционных «волшебных историй». Таковы традиционно шаловливые эльфы Ривендела в «Хоббите», «закадровый» голос автора — рассказчика в «Хоббите» и еще более в — «Роверандоме». Позже Толкин даже сожалел, что записывал свои ранние истории, и выражал пожелание, чтобы некоторые из них — особенно знаменитые ныне «Шаги гоблинов» — были похоронены и забыты. Потому что в обладающих высоким ростом и благородным обликом могущественных волшебных существах (позднее — Эльфах) мифологии «Сильмариллион» ничего не осталось от «цветочных малюток».

«Роверандом» не может не вызывать ассоциаций с толкиновским сводом легенд, занимавшим писателя всю жизнь. Сад темной стороны Луны напрямую связан с Домом утраченной игры из ранней «Книги утраченных сказаний». Там дети «… танцевали и играли… собирая цветы или гоняясь за золотыми пчелами и бабочками с расписными крыльями…» (часть I, опубликована на англ. в 1983 году). В «Роверандоме» дети «…танцевали, словно в полудреме… блуждали, как лунатики, разговаривая сами с собой. Некоторые пробуждались от глубокого сна, иные уже совсем проснулись и бегали, смеясь; они толкались, собирали букеты, строили беседки, ловили бабочек, перекидывались мячами, карабкались на деревья… И все они пели». Но самая интригующая связь между «Роверандомом» и сводом легенд возникает, когда «старейший кит» Юин показывает Роверандому «великую Бухту Волшебной Страны (это мы, люди, так зовем ее) позади Островов Магии, и… на самом краю Запада горы Прародины Эльфов и разлитый над волнами свет Самого Волшебства», и «эльфийский город на зеленом холме пониже линии гор». Это же совершенно точная география Запада мира из «Сильмариллион»! «Горы Прародины Эльфов» — горы Валинора в Амане, а «эльфийский город» — Тун (это название присутствует и в самом первом тексте «Роверандома»). Сам Юин как будто срисован из «Книги утраченных сказаний». И хотя он не совсем аналог «величайшего и древнейшего из китов» из первой части «Книги», тем не менее он также наделен сверхъестественными способностями и может доставить Роверандома туда, откуда взгляд достигает Земель за Западным Пределом, — и это несмотря на то, что и прежде [«Прежде» — в будущем развитии Толкином свода легенд. — Прим. пер], и после эти Земли сокрыты от глаз смертных за гранью тьмы и опасных вод. Недаром Юин говорит, что ему бы не поздоровилось, заметь кто — нибудь из живущих в Валиноре (надо полагать, Валары — Боги), что он показал Аман кому — то из Лежащих Вовне Земель (то есть из мира смертных, Среднеземья), — пусть даже только собаке.

В «Роверандоме» Лежащие Вовне Земли — это в некотором отношении наш с вами мир, со многими реально существующими в нем местностями. Да и сам Роверандом «все — таки был английской собакой»… Но с другой стороны, ведь очевидно, что это не наша Земля: у нее есть края, через которые переливаются водопады, «обрушиваясь прямиком в пространство», и Луна там, когда не висит высоко в небе, проходит под миром.

Когда за прошедшие со дня смерти Толкина двадцать пять лет было опубликовано большинство его произведений, стало очевидно, что так или иначе почти все они взаимосвязаны и что каждое проливает дополнительный свет на остальные. «Роверандом» не исключение — он позволяет увидеть, как уже владевший к тому времени воображением писателя свод легенд влияет на склад, казалось бы, никакого отношения к нему не имеющего рассказа. Кто из читавших «Хоббита» не обратит внимание на аналогии между устрашающим полетом Ровера на спине чайки Мью и полетом Бильбо к гнездовью орлов, между пауками Луны и пауками Мирквуда или на то, что и Великий Белый Дракон Луны, и дракон Смог из Эребора обладают нежным подбрюшием? И еще: как не заметить, что три слегка желчных волшебника из «Роверандома» — Артаксеркс, Псаматос и Человек — на — Луне — каждый по — своему являются предтечами Гэндальфа?

Нам остается сказать только несколько слов о рисунках Толкина. Сам автор не предполагал, что это будут иллюстрации к книжному изданию. Они не едины по стилю или техническим средствам исполнения: два (помещенные в этой книге) выполнены карандашом и чернилами, два — акварелью, а один — главным образом цветными карандашами (эти иллюстрации, к сожалению, не вошли в предлагаемое издание). Четыре рисунка полностью закончены, в то время как пятый — «Ровер, прибывающий на Луну…» — гораздо меньшего размера, и фигурки персонажей здесь едва различимы. Возможно, Толкина больше интересовали башня и безжизненный ландшафт — ни в малейшей мере не позволяющий предполагать наличие описанных в «Роверандоме» лунных лесов. Более ранний «Лунный ландшафт» соответствует тексту точнее: вероятно, он изображает тот момент, когда Роверандом и Человек — на — Луне, возвращаясь после посещения темной стороны, видят «наш мир, восходящий над плечом лунных гор, — огромную, круглую зелено — золотую луну». Однако мир (наш мир) здесь не плоский: видны только Северная и Южная Америки, следовательно, Англия и другие упоминаемые в истории места должны находиться на противоположной стороне земного шара. Название «Лунный ландшафт» написано на работе ранним толкиновским эльфийским шрифтом тенгвар.

Рисунок «Белый Дракон преследует Роверандома и лунного пса» также отражает текст. Помимо дракона и двух крылатых собак здесь есть несколько любопытных деталей: вверху над подписью заметен один из лунных пауков и, возможно, дракономотылек; в небе опять нарисована Земля в виде глобуса. Начав иллюстрировать «Хоббита», Толкин использовал там такого же дракона — на карте Дикой Страны и такого же паука — на рисунке Мирквуда. Особняком стоит изумительная акварель «Дворцовые сады морского царя». Толкин изображает дворец и его сады во всем их великолепии, а не Роверандома, боязливо пробирающегося по тропе в глухих подводных зарослях, — как это рассказывается в книге. Возможно, подразумевается, что мы смотрим как бы его глазами. В верхнем левом углу виден кит Юин, очень похожий на кита из киплинговской сказки «Откуда у кита такая глотка» (из «Сказок просто так»). Рисунок «Дом, где начались приключения Ровера в виде игрушки» — не менее законченная акварель. Однако он заставляет поломать голову. Название позволяет предположить, что здесь изображен дом, где Ровер впервые встретил Артаксеркса. Но в тексте нет никаких указаний на то, что это происходило на ферме или около нее. И проступающее на заднем плане море и летящая над головами чайка противоречат утверждению в книге, что Ровер «никогда не видел моря и не знал его запаха», пока не был взят на пляж мальчиком, и что «деревушку, где он родился, отделяли от шума и запаха моря сотни и сотни миль». Не может это быть и дом отца мальчиков, описанный как белый дом, стоящий на обрыве, с садом, сбегающим к морю…

…А собственно, был ли рисунок вообще изначально связан с этим произведением? Может быть, чайка, вроде бы «привязывающая» его к тексту, была пририсована позже? Черно — белая собака внизу слева, возможно, изображает Ровера, а черное, схожее с Ровером животное впереди него (частично скрытое за фигурой свиньи) — кот Тинкер? Ни то, ни другое нельзя утверждать точно…

Публикуемый здесь текст основан на самой поздней из версий «Роверандома». Толкин так никогда и не подготовил рукопись к изданию окончательно. Можно не сомневаться: будь сказка принята Алленом и Ануином, автор сделал бы в ней множество поправок. Однако рукопись была оставлена с большим количеством опечаток и несоответствий. Когда Толкин писал второпях, он временами был непоследователен в пунктуации и унификации прописных букв. Издатели упорядочили и то и другое там, где это казалось необходимым. Ими исправлено также очень незначительное число неловко построенных фраз. Но большая часть текста приводится в том виде, в каком оставил ее автор.

Кристина Скалл

Уэйн Д. Хэммонд

1

Жил некогда маленький песик по кличке Ровер. Был он совсем юным и ни — и–ичегошеньки не знал! И он был так счастлив, играя своим желтым мячиком в залитом солнечным светом саду…

А иначе никогда не сделал бы он того, что он сделал.

Не всякий старик в потертых штанах непременно злой. Их носят дворники, что подбирают на улицах бутылки и кости (валяющиеся где попало), — они сами могут быть владельцами маленьких собак. Иногда их надевают садовники. А еще иногда — правда, совсем уж редко — в них ходят волшебники, слоняющиеся в выходной день и раздумывающие, что бы им такое сотворить.

Это был как раз волшебник. Он только что вошел в наш рассказ и задумчиво приближался к Роверу по садовой дорожке. На плечах его болтался старый лоснящийся пиджак, изо рта свисала старая трубка, а на голове топорщилась старая зеленая шляпа. И не будь Ровер столь занят облаиванием мячика, вероятно, заметил бы он торчавшее позади из шляпы синее перо; и тогда, возможно, заподозрил бы он, что перед ним волшебник, — как заподозрила бы это любая другая тонко чувствующая маленькая собака. Но он перьев вообще никогда не видел.

Когда старик наклонился и поднял мяч (он в тот момент подумал: а не превратить ли его в апельсин? или в косточку? или в кусочек мяса?), пес заворчал и сказал:

— Положи на место! (без «пожалуйста»). Разумеется, волшебник, будучи волшебником, прекрасно его понял и ответил в том же духе:

— Ну — ка, тихо, дурень! (тоже без «пожалуйста»). И затем он положил мячик в карман — просто чтобы слегка подразнить пса — и отвернулся.

Мне ужасно неловко, но я вынужден сказать, что Ровер немедленно вцепился ему в брюки и выдрал из них приличный клок. Не исключаю, что он мог выдрать клок и из волшебника. Потому что тот внезапно снова обернулся, очень рассерженный, и крикнул:

— Идиот! Убирайся! И стань игрушкой! Странные вещи начали происходить вслед за тем.

Ровер был собачкой очень маленькой, но тут он вдруг почувствовал, что стал еще гораздо меньше. Трава чудовищно выросла и колыхалась где — то в вышине над его головой. И там, далеко — далеко, словно сквозь верхушки деревьев, увидел он гигантский, подобный солнцу, желтый шар, падающий на землю.

Он слышал, как защелкнулись ворота за уходящим, но увидеть его не смог. Попытался залаять, но издал лишь едва слышный писк, чересчур слабый, чтобы люди обратили внимание. Я думаю, на него не обратила бы внимания даже собака.

Он стал таким крошечным, что я уверен, если бы в тот момент мимо проходила кошка, она приняла бы Ровера за мышь и съела бы его. Тинкер бы съел. (Тинкером звали большущего черного кота, жившего в том же доме.)

При мысли о Тинкере Ровер перепугался не на шутку. Однако кошки тут же улетучились у него из головы, потому что сад, окружавший его, внезапно исчез, и он почувствовал, что его подхватывает порывом ветра и уносит куда — то. Когда же вихрь наконец стих, пес обнаружил, что лежит в темноте, зажатый среди каких — то тяжелых предметов. Так он и лежал — судя по его ощущениям, в душной коробке — очень долго и неудобно. Ему ужасно хотелось есть и пить, но это было еще не самое худшее: он понял, что не может двигаться.

Вначале песик подумал, что не в состоянии двигаться, потому что плотно

запакован, однако позже он сделал жуткое открытие: он вообще не мог шевелиться в дневное время. Вернее, мог, но с неимоверным усилием, и только когда никто этого не видел. И лишь после полуночи на короткое время получал он возможность передвигаться и слегка вилять одеревенелым хвостом.

Он стал игрушкой. И из — за того, что вовремя не сказал «пожалуйста», теперь все время должен был сидеть на задних лапах и «служить», словно выпрашивая подачку. Такую позу придал ему волшебник.

По прошествии времени, показавшегося ему очень долгим и мрачным, Ровер вновь попытался залаять — громко, чтобы услышали люди. Затем он попробовал укусить какую — нибудь из вещей в коробке — а там были глупые маленькие игрушечные зверушки; действительно игрушечные, из дерева и олова, а вовсе не такие заколдованные живые собачки, как Ровер… Тщетно: он не мог ни лаять, ни кусаться.

Но вот кто — то подошел и снял с коробки крышку, впустив в нее свет.

— Нам бы стоило утром выставить кое — каких зверей в витрину, Гарри, — произнес голос, и в коробку просунулась рука.

— А это что?.. — Рука ухватила Ровера. — Не помню, чтобы видел ее прежде. Откуда она в трех пенсовой коробке?.. Нет, ты когда — нибудь видел столь правдоподобную игрушку? Посмотри — ка на шерсть и глаза!

— Проставь на ней шесть пенсов, — сказал Гарри, — и помести на самом видном месте в витрине.

И вот там, в витрине, на самом солнцепеке бедный маленький Ровер должен был находиться все утро, весь день, почти до самого ужина; и все это время он был вынужден сидеть на задних лапах и делать вид, что заискивающе просит, хотя в действительности был очень зол.

— Я убегу от первых же людей, которые меня купят, — сообщил он другим игрушкам. — Я не игрушка и ни за что игрушкой не буду. Я — настоящий. Скорей бы уж меня купили… Ненавижу этот магазин — не торчать же мне всю жизнь в витрине!

— Зачем тебе двигаться? — удивились другие игрушки. — Мы же не двигаемся! Гораздо спокойней стоять просто так, не думая ни о чем. Дольше отдыхаешь — дольше живешь. Так что помолчи, твоя болтовня мешает нам спать, а ведь впереди у некоторых из нас далеко не радужная перспектива…

Больше они разговаривать не хотели, и бедному Роверу сделалось совсем одиноко. И был он очень несчастен и очень раскаивался в том, что порвал брюки волшебнику.

Не могу сказать, имел ли к этому отношение волшебник, но женщина вошла в магазин именно в тот момент, когда Ровер чувствовал себя таким несчастным. Она увидела его в витрине и подумала, что эта прелестная маленькая собачка ужасно понравилась бы ее мальчику. У нее было трое сыновей, и один из них, средний, чрезвычайно увлекался коллекционированием собачек; особенно ему нравились маленькие черно — белые. Итак, она купила Ровера, и тот был завернут в бумагу и положен в корзину для покупок среди прочих вещей, купленных ею к чаю.

Вскоре Роверу удалось высвободить из бумаги голову. Пес чувствовал, что один из бумажных пакетов пахнет кексом, но обнаружил, что не может до него дотянуться, и от досады зарычал еле слышным игрушечным рыком. Одни лишь креветки услышали его и спросили, в чем дело. Он рассказал им все, ожидая, что они будут очень ему сочувствовать, но они сказали только:

— А как бы тебе понравилось, если бы тебя сварили? Тебя варили когда — нибудь?

— Нет, насколько я помню, меня никогда не варили, — отвечал Ровер, — хотя меня время от времени купали, и это не очень приятно. Но я полагаю, что быть сваренным и вполовину не так ужасно, как быть заколдованным.

— Тогда тебя точно никогда не варили, — сказали они. — Это самое худшее, что только может случиться с кем бы то ни было. Мы краснеем от ужаса при одной лишь мысли об этом.

Ровер почувствовал себя уязвленным и потому заявил:

— Ну и ладно, все равно вас скоро съедят, а я буду сидеть и смотреть.

После этого креветкам нечего было сказать ему, и, предоставленный сам себе, он мог сколько угодно лежать и строить предположения, что за люди купили его.

Он вскоре узнал это. Его принесли в дом; корзину поставили на стол и вынули из нее все пакеты. Креветок сразу унесли в кладовку, Ровера же прямиком передали маленькому мальчику, для которого он был куплен. Тот понес его в детскую и стал с ним разговаривать.

Если бы пес не был так сердит и слушал, что говорит ему мальчик, тот бы ему непременно понравился. Ведь мальчик лаял на самом лучшем собачьем языке, какой только ему был доступен, и знал он этот язык совсем не так плохо. Однако Ровер даже не пытался ответить. Он все думал о своей клятве убежать от первых же людей, которые его купят, и о том, как бы ему это сделать. И все время, пока мальчик поглаживал его и двигал по столу и по полу, он был вынужден сидеть на задних лапах и «служить».

Но вот наконец настала ночь, и мальчика отправили спать. Ровера, вынужденного все так же «служить», покуда тьма не сгустилась полностью, поставили на стул около кровати. Занавески плотно задвинули. А снаружи луна поднялась из моря и положила на воду свою серебряную дорожку, по которой можно дойти до края мира и дальше — разумеется, тому, кто умеет по ней ходить.

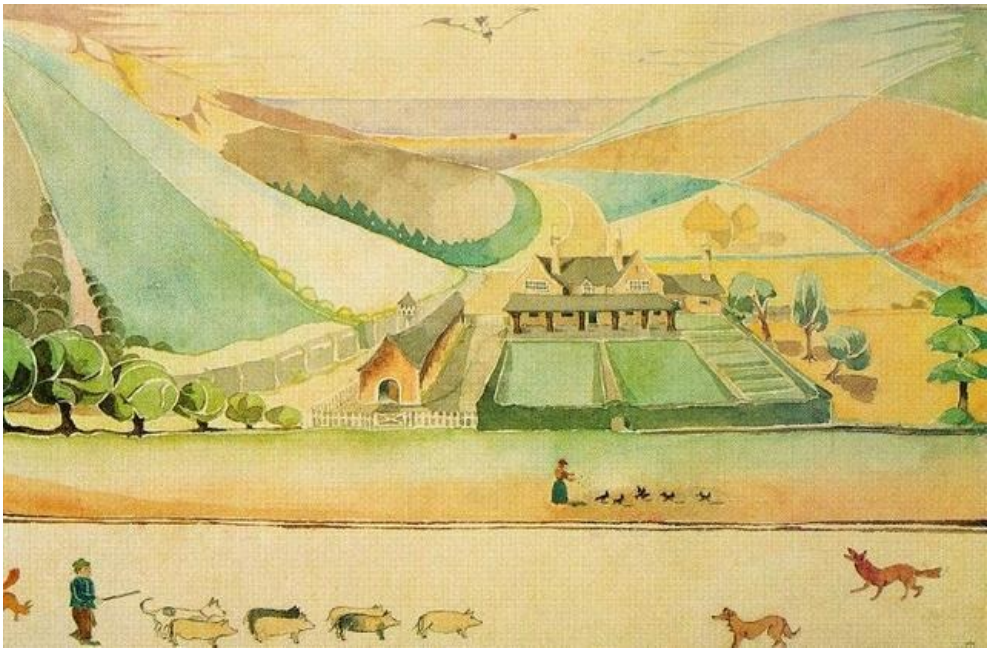
Отец, мать и трое сыновей жили у самого берега моря в белом доме, глядящем окнами поверх волн прямиком в никуда.

Когда мальчики затихли, Ровер распрямил свои усталые негнущиеся лапы и подал голос — столь тихо, что не услышал никто, кроме старого безобразного паука в углу на потолке. Затем он спрыгнул со стула на кровать, а с кровати скатился на ковер и бросился вон из комнаты, вниз по ступеням, через весь дом…

Поскольку прежде он был живым, то умел бегать и прыгать намного лучше, нежели большинство игрушек ночью. Тем не менее путешествовать в таком виде оказалось ужасающе сложно и опасно: при его нынешнем росте спускаться по лестнице было равносильно тому, чтобы прыгать со стен, а уж забираться обратно…

И все напрасно. Разумеется, обе двери были заперты. И не было ни щели, ни дыры, в которую он мог бы пролезть.

Так бедный Ровер и не сумел убежать в ту ночь. Утро застало нашего усталого маленького песика сидящим на задних лапках и делающим вид, что «просит», на том самом месте около кровати, откуда он начал свой побег.



Обычно, когда выдавалось ясное утро, два старших мальчика любили, встав спозаранок, носиться до завтрака вдоль берега по песку. В тот раз, проснувшись и раздвинув занавески, они увидели солнце, выпрыгивающее из моря: все огненно — красное, с облаками на макушке, оно как будто приняло холодную ванну и теперь вытиралось полотенцем. Мальчики быстренько вскочили, оделись и стремглав помчались гулять — вниз, с обрыва, на пляж, — и Ровер был с ними.

Когда мальчик, которому принадлежал Ровер, уже выбегал из спальни, взгляд его упал на комод, куда он, умываясь, поставил песика.

— Он просится гулять! — сказал мальчик и положил Ровера в карман брюк.

Но Ровер вовсе не просился «гулять», и уж определенно не в кармане брюк. Он хотел отдохнуть и набраться сил, чтобы подготовиться к следующей ночи, думая, что уж в этот — то раз он непременно найдет выход и убежит, и будет бежать все дальше и дальше, пока не придет к своему дому, и саду, и желтому мячику на лужайке. У него было странное убеждение, что, если бы он только смог вернуться обратно на лужайку, все встало бы на свои места, чары развеялись — или, возможно, он бы проснулся и обнаружил, что все это было сном.

Итак, в то время как мальчики скатывались по каменистой тропе и носились по песку, пес пытался лаять и бороться, извиваясь в кармане. Можете себе представить, каково ему было, — ведь он едва мог пошевелиться!

И все же он делал, что мог, и удача улыбнулась ему. В кармане лежал носовой платок, смятый и скомканный, и, карабкаясь по нему, Ровер умудрился высунуть наружу нос и принюхаться.

То, что он учуял и увидел, чрезвычайно удивило его. Он никогда прежде не видел моря и не знал его запаха, ведь деревушку, где он родился, отделяли от шума и запаха моря сотни и сотни миль…

И тут внезапно — именно в тот момент, когда он высунулся, — над самыми головами мальчиков пронеслась гигантская серо — белая птица, издающая звуки, которые могла бы издавать огромная крылатая кошка. Ровер так перепугался, что вывалился из кармана на мягкий песок.

И никто этого не услышал. Гигантская птица улетела, не обратив на его жалкий лай никакого внимания, а мальчики все бежали дальше и дальше по песку,

совершенно не думая о нем…

Поначалу Ровер был чрезвычайно доволен собой.

— Я убежал! Я убежал! — лаял он своим игрушечным лаем, который могли бы услышать разве что другие игрушки, а их там не было.

Потом он перекатился на бок и растянулся на чистом сухом песке, все еще отдающем прохладой звездной ночи.

Однако, когда мальчики исчезли вдали, спеша домой, и никто его так и не заметил, и он остался совсем — совсем один на пустынном берегу, он уже не чувствовал себя таким довольным. Берег был абсолютно пуст, если не считать чаек. Единственными отпечатками на песке, за исключением следов их когтей, были дорожки, прочерченные подошвами мальчиков: в то утро они выбрали для прогулки чрезвычайно отдаленную часть пляжа, куда заходили редко.

Да и вообще туда нечасто кто — либо заходил. Потому что, хотя песок там был чистый и желтый, а галька белая, а море синее — пресинее, с серебряной пеной в маленькой бухточке под серыми скалами, какое — то странное чувство возникало у всех, кому доводилось оказаться там, — за исключением тех моментов раннего утра, когда нарождалось солнце. Люди говорили, что в этом месте случаются странные вещи, иногда прямо средь бела дня. В вечернее же время бухту во множестве заплывали русалки и русалы, а также крохотные морские гоблины, разгонявшие своих малюсеньких морских коньков по гребням волн и на всем скаку спрыгивавшие с них кто дальше в пену у кромки воды, к самому подножию скал.

А причина такой странности была проста: в этой бухте жил старейший из всех песчаных колдунов-псаматистов, как зовет их морской народ на своем плещущем, брызгучем языке.

Псаматос Псаматидес было его имя. Во всяком случае, так он говорил и чрезвычайно ревниво относился к тому, чтобы оно произносилось должным образом …

При всем том был он стар и мудр, и странный народец всякого сорта приходил к нему, ибо он был превосходным магом и в придачу существом чрезвычайно добродушным (по отношению к тем, кто, по его мнению, этого заслуживал), хотя с виду и слегка желчным. Морской народ обычно неделями хохотал до упаду над его шутками на какой — нибудь из вечеринок при луне.

Однако днем найти его было непросто. Он любил закопаться, пока сияет солнце, поглубже в теплый песок, так, чтобы лишь кончик одного и его длинных ушей торчал наружу. Впрочем, будь даже оба его уха высунуты, большинство людей, подобных вам или мне, все равно приняли бы их просто за щепки.

Вполне вероятно, что старый Псаматос все знал о Ровере. И уж определенно он был знаком с волшебником, заколдовавшим нашего пса, — ведь магов и волшебников на свете не так уж много, и они прекрасно знают друг о друге и следят за действиями друг друга, поскольку в частной жизни далеко не всегда являются друзьями.

Итак, Ровер одиноко лежал на мягком песке, чувствуя себя все более и более странно, а Псаматос — хотя Ровер и не видел его — подглядывал за ним из кучи песка, специально насыпанной для него предыдущей ночью русалками.

Однако песчаный колдун не говорил ничего. И Ровер не говорил ничего. И уже прошло время завтрака, солнце поднялось и раскалилось.

Ровер смотрел на море, спокойно шумевшее рядом, и вдруг его обуял чудовищный страх. Вначале он подумал, что это песок запорошил ему глаза, но потом понял,

что не ошибся: море придвигалось все ближе и ближе, поглощая все больше и больше песка, волны становились все выше и пенистей…

Прилив наступал. Ровер лежал как раз чуть ниже линии наивысшей его отметки, — но ведь бедный пес совсем ничего об этом не знал! Он все больше приходил в ужас от происходящего и уже представлял себе, как бурлящие волны вплотную придвигаются к скалам и смывают его в покрытое пеной море (что гораздо хуже, чем любое купание в мыльной пене).

И все это время он продолжал жалко «просить»…

Такое на самом деле могло произойти — но не произошло. Смею предположить, что Псаматос имел ко всему этому некоторое отношение: как мне представляется, заклятье, тяготевшее над Ровером, не так сильно действовало в той странной бухте, в непосредственной близости от резиденции другого мага.

Как бы там ни было, когда море подошло уже почти вплотную и Ровер уже почти обезумел от ужаса, мучительно пытаясь откатиться хоть немного повыше, он внезапно обнаружил, что может двигаться.

Нет, его величина не изменилась, но он больше не был игрушкой — он мог двигать всеми лапами быстро — быстро, как надо, хотя на дворе и стоял день! Он больше не должен был «служить», и у него была возможность бежать туда, где песок был более твердым! И еще: он мог лаять — не игрушечным, а настоящим, хотя и соответствовавшим его волшебной величине лаем!

Пес был в таком восторге и лаял так громко, что, если бы вы находились поблизости, вы бы ясно услышали его голос — будто дальнее эхо, донесенное ветром холмов.

И тут внезапно песчаный колдун высунул из песка голову. Ростом он был с очень большую собаку и чрезвычайно уродлив. Роверу же при его нынешней величине он показался просто чудовищным. Пес даже на задние лапы присел и мгновенно прекратил лаять.

— По какому поводу такой шум, малыш? — сказал Псаматос Псаматидес. — В это время дня я сплю.

На самом деле он мог спать в любое время суток, если не происходило ничего, что могло бы доставить ему удовольствие, — танец русалок в бухте, например (разумеется, с его личного разрешения). В таком случае он полностью вылезал из песка и сидел на самом краю скалы, откуда было лучше видно. В воде русалки очень грациозны, но когда они пытаются танцевать на берегу, стоя на хвосте… Псаматосу это представлялось очень забавным.

— В это время я сплю, — повторил он, поскольку Ровер не ответил. Но тот все молчал и лишь вилял хвостом, будто извиняясь таким образом.

— Ты знаешь, кто я такой? — спросил колдун. — Я — Псаматос Псаматидес, глава всех псаматистов! — Он произнес это еще несколько раз, очень гордо и отчетливо, выговаривая каждую букву, и с каждым «Пс» из его носа выдувалось целое облако песку.

Ровер оказался почти погребенным под ним. Пес сидел такой перепуганный и такой несчастный, что песчаному колдуну стало его жалко. Он внезапно перестал смотреть свирепо и рассмеялся:

— Ты очень смешной, малыш! Нет, правда, песик, я не помню, чтобы когда — нибудь видел такую крохотную собачку.

И он снова засмеялся, а затем вдруг посерьезнел.

— Не поругался ли ты в последнее время с кем — нибудь из волшебников? — прищурив один глаз, спросил он почти шепотом. И выглядел он при этом таким дружелюбным и таким знающим, о ком идет речь, что Ровер рассказал ему все. Возможно, в этом и не было необходимости, потому что, как я уже говорил вам, Псаматос, вероятно, и так все знал. Тем не менее Ровер почувствовал себя гораздо лучше, рассказывая свою историю кому — то, кто казался таким понимающим и кто, вне всякого сомнения, обладал бóльшим чувством смысла, чем обыкновенные игрушки.

— Это был волшебник что надо, — сказал колдун, когда Ровер завершил свой рассказ. — Старина Артаксеркс, судя по твоему описанию. Он родом из Персии. Но, как это бывает иногда даже с самыми лучшими из волшебников, если они покидают свой дом — в отличие от меня, не делающего этого никогда, в один прекрасный день, возвращаясь к себе, он сбился с пути. Первый, кто ему попался, вместо Персии направил его в Першор [По — английски «Персия» и «Першор» звучат почти одинаково, так что немудрено, что «первый, кто попался», мог спутать. — Прим. пер.]. С тех пор он так и живет в тех краях, лишь изредка устраивая себе каникулы, чтобы проветриться. Говорят, для старика он чрезмерно падок на сладкое. И обожает сливы: может съесть до двух тысяч в день. И чрезвычайно увлекается сидром. Гм… но это я так, к слову…

Тем самым Псаматос дал понять, что отклонился от основной темы.

— Вопрос в том, чем же я сумею тебе помочь?

— Я не знаю, — сказал Ровер.

— Ты, вероятно, хочешь домой? Боюсь, я не могу вернуть тебе твою прежнюю величину — во всяком Случае, не испросив сначала разрешения у Артаксеркса. У меня нет сейчас охоты с ним ругаться. Хотя, думаю, отправить тебя домой я бы мог. В конце концов, Артаксеркс ведь всегда может услать тебя куда — нибудь снова, если ему так уж этого захочется. Впрочем, если он действительно сильно раздражен, то в следующий раз может заслать тебя в какое — нибудь гораздо худшее место, нежели магазин игрушек…

Роверу услышанное совсем не пришлось по вкусу, и пес рискнул сказать, что, если он вернется домой таким маленьким, его, наверное, не признает никто, кроме кота Тинкера, а ему вовсе не хотелось бы, чтобы Тинкер признал его в нынешнем виде.

— Что ж, прекрасно, — сказал Псаматос. — Тогда подумаем о чем — нибудь еще. А кстати, поскольку в данный момент ты опять настоящий, не хочешь ли ты что — нибудь съесть?

Прежде чем Ровер успел сказать: «Да, пожалуйста! ДА!! ПОЖАЛУЙСТА!!!» — на песке прямо перед ним возникли крошечная тарелочка с хлебом и мясной похлебкой, и две крошечные косточки — именно того размера, который ему был нужен, и маленькая, доверху полная воды миска, на которой маленькими синими буквами было написано: «Пей, песик, пей». Он съел и выпил все и только потом спросил: «Как вы это сделали?.. Спасибо».

Мысль добавить «спасибо» осенила его внезапно, так как он вспомнил, что волшебники и существа подобного рода, похоже, весьма неравнодушны к таким вещам.

Псаматос только улыбнулся. Ровер же улегся на горячий песок и сразу уснул. И снились ему кости и кошки, которых он загонял на сливовые деревья и которые оборачивались волшебниками в зеленых шляпах, швырявшими в него гигантскими, похожими на мозговые кости сливами. А ветер дул ровно и мягко и наносил песок, засыпая Ровера чуть не выше головы…

Вот почему мальчики так и не нашли пса, хотя они еще раз специально спустились

в бухту, когда малыш обнаружил свою пропажу. На этот раз с ними был их отец. И они искали и искали до тех пор, пока солнце не начало снижаться и не настало время ужина. Тогда отец забрал детей домой, ибо он слышал об этом месте слишком много странного, и не мог позволить детям дольше там оставаться.

Спустя некоторое время мальчику купили обычную трехпенсовую собачку (в том же самом магазине). Но он так и не мог забыть свою маленькую «просящую» собаку, хотя и обладал ею совсем недолго.

Однако это было потом.

А сейчас вы можете представить его сидящим за чаем, очень печального, вообще безо всякой собаки…

…тогда как в это же время далеко — далеко оттуда некая старая дама — хозяйка Ровера, так дурно воспитавшая нашего пса в бытность его обыкновенной собакой нормального размера, — пишет объявление о пропаже щенка: «…белый, с черными ушами, откликается на кличку Ровер…»

…а сам Ровер спит себе на песке…

…в то время как Псаматос мало — помалу придвигается все ближе и ближе к нему, сложив свои коротенькие ручки на пухленьком животике…

2

Когда Ровер проснулся, солнце стояло очень низко. Тень от скал пролегла по песку. Псаматоса нигде не было видно.

Совсем близко от пса, поглядывая на него искоса, стояла большая морская чайка, и на какой — то миг Ровер испугался, что она собирается его съесть.

Но чайка произнесла:

— Добрый вечер! Я давно жду, когда ты проснешься. Псаматос сказал, что ты должен проснуться к ужину, но сейчас уже гораздо позже.

— Скажите, пожалуйста, а что я должен делать, мистер Птица? — спросил Ровер очень вежливо.

— Меня зовут Мью, — сказала чайка, — и я заберу тебя отсюда, как только взойдет луна и появится лунная дорожка. Но перед этим нам надо еще кое — что сделать. Влезай — ка мне на спину — посмотрим, как тебе понравится летать.

Поначалу Роверу совсем не понравилось летать. Это было еще терпимо, пока Мью держался близко к земле, скользя ровно и спокойно на недвижных, широко раскинутых крыльях. Но когда он пулей выстреливал вверх или мгновенно бросался из стороны в сторону, каждый раз под разным углом, или падал вниз внезапно и круто, будто собираясь нырнуть в море, маленький пес, у которого в ушах завывало от ветра, больше всего на свете мечтал очутиться опять в безопасности на твердой земле.

Он несколько раз сказал об этом, но в ответ услышал лишь: «Держись крепче! Мы еще и не начинали!»

Так они полетали недолго, и Ровер только — только начал привыкать — и немного уставать, как вдруг: «Стартуем!» — вскричал Мью, и пес чуть не «стартовал» со спины. Потому что Мью, как ракета, взмыл ввысь и с огромным ускорением взял курс прямо по ветру.

Вскоре они были уже так высоко, что Ровер смог увидеть, как далеко — далеко за темными холмами солнце заходит прямо за край земли. Они устремили свой полет к гигантским черным скалам, так круто обрывавшимся в море, что нечего было и думать по ним карабкаться. Ничего не росло на их гладкой поверхности, покрытой каким — то белесым, тускло светившимся в сумерках налетом. У подножия гулко плескалось и хлюпало море. Сотни морских птиц ютились на узких скальных уступах. Одни перекликались скорбными голосами, другие сидели безмолвно, нахохлившись. Время от времени какая — нибудь из них вдруг срывалась со своего насеста, чтобы выписать в воздухе кривую перед тем, как нырнуть в море — такое далекое, что его волны казались сверху всего лишь морщинками.

Это было жилище Мью, и ему перед отлетом нужно было повидаться кое с кем из своего народа, и самое главное — со старейшими, самыми уважаемыми Черноспинными чайками: он должен был взять у них кое — какие послания. Итак, он оставил Ровера на одном из уступов, гораздо более узком, нежели дверная приступка, и велел ему ждать и не сваливаться.

Можете быть уверены, что Ровер приложил все усилия к тому, чтобы не свалиться, с трудом удерживаясь под сильными боковыми порывами ветра, и что все это ему совершенно не нравилось. Он жался к самой поверхности скалы и поскуливал. Словом, это было ужасно неприятное место, никак не предназначенное для пребывания там заколдованных и одолеваемых заботами маленьких собачек.

Наконец отсветы солнца полностью растаяли в небе. С моря поднялся туман, и в сгущающейся тьме начали загораться первые звезды. И вот, оставив море далеко внизу, круглая и желтая, над туманом всплыла луна и проложила по воде

сверкающую дорожку.

Вскоре возвратился Мью и подхватил Ровера, который уже начал было дрожать от страха. После холодной скалы перья птицы показались ему такими теплыми и уютными, что пес зарылся в них как можно глубже.

И вот Мью подпрыгнул высоко в воздух над морем, и все чайки сорвались со своих уступов и издали, прощаясь, пронзительный крик, в то время как Мью с Ровером уже устремились прочь от берега вдоль лунной дорожки, протянувшейся теперь прямиком к темному краю мира.

Ровер ни в малейшей степени не представлял себе, куда ведет лунная дорожка, и был в тот момент слишком перепуган и возбужден, чтобы задавать вопросы. Однако он начал уже немного привыкать к тому, что с ним происходят необычные вещи.

По мере того как они летели над мерцавшим серебряным морем, луна поднималась все выше и выше и делалась все белее и ярче, до тех пор, покуда уже ни одна звезда не осмеливалась светить рядом с ней. И вот уже она одна — единственная сияла на востоке небосклона.

Было очевидно, что Мью летит по велению Псаматоса и туда, куда пожелал Псаматос; и, очевидно, Псаматос помогал Мью своей магией — ибо тот летел гораздо быстрее и ровнее, чем могут летать самые огромные чайки, даже когда они мчатся наравне с ветром. И тем не менее прошли целые столетия, прежде чем Ровер увидел что — либо еще, кроме лунного сияния и моря далеко внизу. И все это время луна становилась все больше и больше, а воздух все холодней и холодней.

Внезапно взгляд песика уловил нечто темное на краю моря. Пятно росло, пока, наконец, Ровер не понял, что это остров. Его ушей достиг разносящийся далеко над водой отзвук чудовищного лая, в котором смещались все его возможные оттенки: визг и вой, ворчанье и рычанье, огрызанье и хныканье, тявканье и скулеж, издевка и злоба, лицемерие и мольба… И среди всех голосов выделялся один, самый ужасающий — такой лай могла бы издавать гигантская голодная кровожадная ищейка во дворе дома людоеда. Шерсть у Ровера на загривке внезапно встала дыбом, и он подумал, что вот было бы здорово спуститься туда и полаять со всеми этими собаками вместе взятыми… Но вовремя вспомнил, какой он маленький.

— Это Остров собак, — сказал Мью. — Или, иначе, Остров бездомных собак. Сюда попадают все бездомные собаки, которые того заслужили, и еще некоторые, которым просто повезло. Я слышал, для них это совсем недурное место. Они могут шуметь тут, сколько душе угодно: никто не закричит на них, не швырнет тяжелым предметом. Им очень нравится лаять вместе, и они наслаждаются этим замечательным концертом каждый раз, как взойдет луна. Мне говорили, на острове есть костные деревья, плоды которых подобны мозговой кости с сочной сердцевиной. Когда плод созревает, он падает с дерева.

Но нет, мы летим не туда! Ты ведь понимаешь, что не можешь в полной мере называться собакой, хотя ты уже и не совсем игрушка. Честно говоря, полагаю, Псаматос хорошенько поломал голову, прежде чем решил, что с тобой делать, когда ты сказал, что не хочешь домой.

— Куда же мы летим? — спросил Ровер. Он огорчился, что не сможет поближе познакомиться с Островом собак, особенно когда услышал о костных деревьях.

— Прямо вверх по лунной дорожке — к краю мира, а затем через край и на Луну. Так сказал старый Псаматос.

Роверу совсем не понравилась идея лететь за грань мира. К тому же Луна

выглядела такой холодной…

— Но почему на Луну? — спросил он. — В мире полным — полно мест, где я никогда не был. Я ни от кого не слышал, чтобы на Луне были кости или хотя бы собаки.

— Ну, по крайней мере, одна собака там точно есть — у Человека — на — Луне. И так как он — человек весьма достойный и, кроме того, величайший из всех магов, у него наверняка должны быть кости для его собаки, а значит, и для гостей, очевидно, найдутся.

Что же касается того, почему тебя послали именно туда, беру на себя смелость утверждать, что ты узнаешь это, когда придет время, — если, не будешь неудачно шутить и все время ворчать.

Вообще не понимаю, почему Псаматос столь великодушно о тебе заботится. Совершенно не похоже на него делать что — либо без значительной на то причины; ты же ни с какой стороны не выглядишь значительным.

— Спасибо, — сказал Ровер, чувствуя себя совсем подавленным. — Несомненно, очень мило со стороны всяких волшебников так беспокоиться обо мне, хотя иногда это и несколько утомительно. Никогда не знаешь, что произойдет дальше, стоит лишь раз столкнуться с волшебниками и их друзьями…

— На самом деле это гораздо большая удача, чем того заслуживает какой — то тявкающий щенок, — промолвила чайка, после чего они долго не разговаривали.

Луна становилась все больше и ярче, а мир под ними — все темнее и отдаленнее. Наконец — и все — таки внезапно — мир кончился, и Ровер увидел звезды, сияющие из черноты у них под ногами. Далеко — далеко внизу ему была видна белая, искрящаяся в лунном свете водяная пыль — там, где водопады переливались через край мира и обрушивались прямиком в пространство. Это заставило песика почувствовать себя еще неувереннее. У него закружилась голова, и он предпочел поглубже закопаться в перья Мью и надолго зажмуриться.

Когда же он снова открыл глаза, под ними вся, целиком лежала Луна: новый белый мир, сверкающий, как снег, с далеко открытыми просторами, на которых раскинули свои длинные голубые и зеленые тени остроконечные горы.

На вершине самой высокой из гор, такой высоченной, что казалось, она сейчас проткнет их — именно в этот момент Мью ринулся вниз, — Ровер увидел белую башню. Расчерченная розовыми и бледно — голубыми узорами, она поблескивала так, словно была сложена из миллионов влажных, мерцающих морских ракушек. Башня стояла на самом краю белой пропасти — белой, словно меловые скалы, и при этом сверкавшей ослепительнее, чем, бывает, сверкнет блик лунного света в далеком окне безоблачной ночью.

Насколько пес мог видеть, на скале не было и следа какой — либо тропы. Впрочем, это было неважно, потому что Мью уже планировал вниз и буквально через секунду совершил посадку на крыше башни, на такой головокружительной высоте над лунным миром, что его родные черные скалы в сравнении с ней показались бы совсем низкими и безопасными.

К величайшему изумлению Ровера, в тот же миг сбоку в крыше открылась маленькая дверца, и наружу высунулась голова с длинной серебристой бородой.

— Неплохо летели, неплохо! — закричал старичок. — Я засек время с момента, как вы пересекли край мира: тысяча миль в минуту, я думаю. Хорошо, что не врезались в мою собаку. Где ее черти носят по всей Луне, хотел бы я знать?..

И он вытянул наружу необъятный телескоп и приложил к нему один глаз.

— Вот он! Вот он! — завопил старик куда — то вверх. — Опять пристает к лунным

зайчикам [Moonbeams (англ.) — блики лунного света, «лунные зайчики» (по аналогии с sunbeams — солнечными зайчиками). — Прим. пер.], пропади он пропадом… А ну, спускайся! Спускайся немедленно! — И вслед за тем он засвистел на одной долгой, ясной, звонко — серебряной ноте.

Ровер поглядел вверх, думая, что этот смешной старичок, должно быть, сумасшедший, если свистит своей собаке в небо, но, к своему вящему изумлению, увидел высоко — высоко над башней маленькую белую собаку с белыми крыльями, гоняющуюся за чем — то похожим на прозрачных бабочек.

— Ровер! Ровер! — звал старичок; и в тот самый миг, когда наш Ровер вскочил на ноги на спине Мью, чтобы ответить: «Я здесь!» — не успев удивиться, откуда старичок знает его имя, — он увидел, что летающая собака правит прямиком вниз и «прилуняется» старичку на плечо.

Тут наш пес понял, что собаку Человека — на — Луне тоже зовут Ровером. Это ему совсем не понравилось. Но так как никто не обратил на него внимания, он снова сел и начал рычать сам с собой.

У пса Человека — на — Луне были чуткие уши. Он мгновенно спрыгнул на крышу башни и принялся лаять, как сумасшедший, а затем сел и зарычал:

— Кто привез сюда другую собаку?!

— Какую другую собаку? — спросил Человек.

— Этого дурацкого щенка на спине у чайки, — ответил лунный пес.

Тут уж, разумеется, Ровер снова вскочил и залаял так громко, как только мог:

— Сам ты дурацкий щенок! Кто только позволил тебе зваться Ровером? Да ты больше смахиваешь на кошку или летучую мышь, чем на собаку!

Из этого вы можете понять, что псы сразу собрались подружиться. Просто таким образом у собак принято обращаться к подобным себе чужакам.

— Эй, вы, оба, а ну — ка, летите прочь! И прекратите этот шум! Мне надо побеседовать с почтальоном, — произнес Человек.

— Пошли, крохотулька, — пролаял лунный пес, и тут Ровер вспомнил, что он действительно всего — навсего крохотулька — даже по сравнению с лунным псом, просто маленьким. И вместо того чтобы пролаять в ответ что — нибудь невоспитанное, он сказал только:

— Я бы и пошел, если б у меня были какие — никакие крылья и если бы я знал, как летают.

— Крылья? — сказал Человек — на — Луне. — Нет ничего легче. Бери и катись!

Мью засмеялся и действительно скатил его соспины прямо через край башенной крыши. Ровер успел лишь ахнуть и едва начал представлять себе, как падает и падает много — много миль, подобно камню, прямо на торчащие в долине белые скалы, как внезапно обнаружил, что является обладателем прекрасной пары белых с черными пятнами крыльев — точь — в–точь под стать ему самому.

Но все равно он падал долго, прежде чем смог остановиться, так как, естественно, еще не привык к крыльям.

О да, ему понадобилось некоторое время, чтобы привыкнуть к ним. Однако еще задолго до того, как Человек закончил разговаривать с Мью, Ровер уже пытался гоняться за лунным псом вокруг башни.

Он как раз начал слегка уставать, когда лунный пес нырнул вниз и, спикировав к вершине горы, приземлился на самом краю обрыва у подножия стены. Ровер

последовал за ним, и вскоре они уже сидели бок о бок со свешенными языками, переводя дыхание.

— Так, значит, тебя назвали в мою честь — Ровером? — спросил лунный пес.

— Не в твою честь, — ответил наш Ровер. — Я уверен: моя хозяйка, давая мне имя, никогда не слышала о тебе.

— Это неважно. Я был самой первой собакой, названной Ровером когда бы то ни было, тысячи лет назад. Поэтому ты должен быть назван Ровером именно в честь меня.

Да, я действительно был Ровером, бродягой! [Rover (англ.) — бродяга, скиталец. — Прим. пер.] Никогда и нигде не оставался надолго и никогда никому не принадлежал, пока не попал сюда. С тех пор как я был щенком, я не занимался ничем иным, кроме как убегал. Бегал и бегал до тех пор, пока в одно прекрасное утро — удивительно прекрасное, когда солнце сияло мне прямо в глаза, — не свалился, гоняясь за бабочками, через край мира.

Отвратительное ощущение, должен тебе сказать! К счастью для меня, как раз в этот момент под миром проходила Луна, и, спустя жуткий промежуток времени, пока я проваливался сквозь облака, и врезался в падающие звезды, и все такое прочее, я упал на нее. Шмякнулся в одну из тех громадных серебряных паутин, что развешивают здесь от горы до горы гигантские серые пауки. И паук тут как тут — уже спускался по своему трапу, чтобы замариновать меня и утащить в свою кладовку, когда появился Человек — на — Луне.

Он видит абсолютно все, что происходит по эту сторону Луны, с помощью своего телескопа. Пауки боятся его, потому что он не трогает их, только если они прядут для него серебряные нити и канаты. Он имеет все основания подозревать пауков в том, что они ловят его лунных зайчиков, хотя он и не позволяет им этого. А они делают вид, что живут только за счет дракономотыльков и летучих тенемышей. Как — то раз он нашел крылья лунных зайчиков в кладовке у одного паука и превратил этого паука в камень быстрее, чем ты бы глазом моргнул.

Ну, так вот, он вытащил меня из паутины, потрепал по загривку и сказал:

— Это было пренеприятное падение. Лучше тебе иметь пару крыльев во избежание подобных случайностей. Ну, лети и забавляйся! Не приставай к лунным зайчикам и не убивай моих белых кроликов. И приходи домой, когда проголодаешься, — окно в крыше всегда открыто.

Я подумал, что он — человек порядочный, хотя и немного чокнутый. Но не заблуждайся на этот счет — я имею в виду, относительно чокнутости. Я никогда не посмею всерьез испугать его лунных зайчиков или его кроликов. Он способен вмиг превратить тебя во что — нибудь совершенно кошмарное.

Ну, а теперь расскажи, почему ты прилетел сюда с почтальоном?

— С почтальоном? — переспросил Ровер.

— Разумеется. Мью — почтальон старого песчаного колдуна, — произнес лунный пес.

Едва Ровер закончил повесть о своих приключениях, как послышался свист Человека. Они мигом взлетели на крышу. Старик сидел там, свесив ноги через край, и, быстро распечатывая письма, выбрасывал конверты. Ветер подхватывал их, закручивал штопором и уносил в небо, а Мью летел за ними, ловил и клал обратно в маленький мешочек.

— Я как раз читаю про тебя, Роверандом, мой пес, — сказал он. — Я зову тебя Роверандом, и Роверандомом будешь ты, ибо у меня здесь не может быть двух Роверов. И я вполне согласен с моим другом Саматосом (я не собираюсь вставлять всякие там смехотворные «П» для того только, чтобы ублажить его), что тебе лучше побыть некоторое время здесь. Я получил также письмо от Артаксеркса — если тебе известно, кто это такой, и даже если тебе это не известно, — где он просит меня отослать тебя прямиком назад. Похоже, он сильно раздражен тем, что ты убежал и что Саматос помог тебе. Но покуда ты находишься здесь, нам можно не беспокоиться о нем, равно как и о тебе.

А теперь летите и забавляйтесь. Не приставайте к лунным зайчикам и не убивайте моих белых кроликов. И возвращайтесь домой, когда проголодаетесь. Пока! Окно в крыше всегда открыто.

И он мгновенно растворился в разреженном воздухе. А ведь только тот, кто никогда на Луне не бывал, и может рассказать вам, какой разреженный там воздух.

— Ну, что ж, счастливо, Роверандом, — промолвил Мью. — Надеюсь, ты получаешь удовольствие, причиняя хлопоты волшебникам. Прощай, пока! Не убивай белых кроликов, и все еще, возможно, будет хорошо — ты благополучно вернешься домой, хочешь ты того или нет.

И Мью улетел столь стремительно, что прежде чем вы бы успели сказать «фью — у–у!», он уже был точкой в небе — и исчез.

Теперь Ровер не только был размером с игрушку, его и звали теперь по — другому. И он был вынужден оставаться на Луне один — одинешенек — не считая, разумеется, Человека — на — Луне и его пса.

Роверандом, как мы теперь тоже будем называть его во избежание путаницы, не возражал ни против чего. Иметь крылья оказалось делом таким увлекательным, а Луна давала так много новых впечатлений и, как выяснилось, была таким исключительно интересным местом, что он забыл и думать, для чего бы это Псаматосу понадобилось посылать его сюда. И много времени утекло, прежде чем он это понял.

А между тем он пережил множество самых разнообразных приключений, как в одиночку, так и вместе с лунным Ровером.

Вообще — то он не слишком часто отлетал далеко от башни, ибо на Луне, и особенно на светлой ее стороне, насекомые велики и свирепы. И в большинстве своем они столь бесцветны и прозрачны, и столь бесшумны, что, даже если бы они подкрались к вам совсем близко, вы бы вряд ли увидели или услышали их.

Там были очень коварные мухи — меченосцы, большие белые дракономотыльки с огненными глазами, стеклянные жуки с челюстями наподобие стальных капканов; и бледные единорожки с жалом, разящим, словно копье; и пятьдесят семь разновидностей пауков, готовых сожрать все, что бы они ни поймали; и самые ужасные из всех лунных насекомых — летучие тенемыши.

Одни только лунные зайчики, сверкающие и трепыхающиеся, не представляли никакой опасности, и их Ровер не боялся.

Роверандом поступал так, как поступали на этой стороне Луны птицы: он летал мало и преимущественно около дома либо на открытом пространстве с хорошей видимостью — подальше от мест, где могли бы прятаться насекомые. И передвигался он очень тихо, особенно в лесах. Вообще большинство существ здесь старались не производить никакого шума. Даже птицы не щебетали.

Единственные слышимые звуки производили растения. Множество цветов — белокольчики, яснокольчики, серебрянокольчики, звяколокольчики, звонерозы и рифмоцарски, крохосвисты, жеструбы и кремалторны (светло — светло — кремовые), и многие — многие другие с совсем уж непереводимыми названиями весь день напролет издавали мелодичные звуки. А перистые травы и папоротники — небывалоструны, полифоники, меднодуховоязычки и, кроме того, все стучащие и трещащие в лесах, равно как и все тростничковые в молочно — белых прудах, не переставали музицировать тихо и нежно даже ночью. Поистине еле слышимая изысканная музыка не прекращалась там никогда.

Но птицы молчали. Большинство из них были совсем крошечные. Они скакали в серой траве под деревьями, увертываясь от мух и всегда готовых наброситься на них зудопчел. Многие давным — давно утратили крылья или забыли, как ими пользоваться. Роверандом тревожил их в гнездах на земле, когда медленно проплывал через бледные травы, охотясь на маленьких белых мышей или вынюхивая серых белок на опушках лесов.

Что это были за леса! Затканные серебрянокольчиками, звонящими все сплошь тихо и в лад, тянущие колоннадой вверх из этого серебряного ковра длинные черные стволы, покрытые никогда не опадающей светло — голубой листвой — столь густой, что ни один, даже самый сильный телескоп на Земле не дал бы возможности увидеть ни этих стволов, ни серебрянокольчиков под ними…

В более позднее время года все деревья одновременно вспыхивали бледно —

золотыми цветами; и поскольку леса Луны практически не имеют края, это, несомненно, оказывало влияние на ее цвет — если глядеть снизу, из нашего мира.

Однако не стоит думать, что Роверандом все свое время проводил около дома. В конечном счете ведь собаки знали, что Человек видит все и всегда придет к ним на помощь. Поэтому они пускались во множество авантюр и были участниками многих увлекательных приключений.

Иногда они отправлялись странствовать, на много дней забывая про дом. Раз или два они совершали вылазки в дальние горы. Сидя там на белых скалах, они оглядывались назад, на сверкавшую далеко — далеко иглу лунной башни, и наблюдали за крохотными, не крупнее лунного Ровера, овцами, стада которых перемещались по склонам холмов. У каждой овцы на шее висел золотой колокольчик, звеневший всякий раз, как она переступала с места на место, набивая полный рот сочной серой травой. И все колокольчики звенели вместе, как единое созвучие, и все овцы сверкали, как снег, и никто никогда не тревожил их. Оба Ровера были слишком хорошо воспитаны (и побаивались Человека — на — Луне), а других собак там не было, равно как не было коров, лошадей, львов, тигров, волков… Да — да, совсем никого из четвероногих, более крупных, нежели кролики и белки, и те игрушечного размера. Единственное исключение составлял изредка попадавший в поле зрения, казавшийся огромным белый слон ростом почти с осла. Я не упомянул здесь драконов, потому что они покуда еще не проникли в нашу историю. Тем не менее они были там, но очень далеко от башни, ибо все ужасно боялись Человека — на — Луне. За исключением одного. (Но даже он наполовину боялся…)

Когда бы собаки ни возвращались к башне, влетая в окно, они всегда находили обед свежеприготовленным — как если бы они предупредили о времени своего прибытия. Но при этом они редко видели Человека. Он был занят внизу, в подвалах, откуда вырывались клубы белого пара и облака серого тумана и плыли по ступеням вверх, уносясь в распахнутые окна.

— Что он там делает наедине с собой целый день? — спросил Роверандом Ровера.

— Что делает? — переспросил лунный пес. — О, он всегда ужасно занят. Кстати, с тех пор, как ты прибыл к нам, он выглядит еще более занятым. Я полагаю, он делает сны.

— Зачем ему делать сны?

— М — м, для обратной стороны Луны. На этой стороне ни у кого снов не бывает — все сновидцы уходят туда.

Роверандом сел и почесался: ему не показалось, что такое объяснение хоть что — то прояснило. Однако лунный пес ничего больше не смог ему растолковать, и если вы спросите мое мнение, то я полагаю, что он и не знал об этом больше ничего.

Как бы там ни было, вскоре случилось нечто, заставившее все подобные вопросы улетучиться из головы Ровера. Дело в том, что собаки попали в одну увлекательнейшую переделку. Я бы даже сказал, чересчур увлекательную — пока она происходила. И случилось это по их собственной вине.

Они отсутствовали дома уже несколько дней и зашли гораздо дальше, чем когда — либо с тех пор, как Ровер попал на Луну; и они абсолютно не заботились о том, чтобы подумать, куда несут их ноги. На самом деле они сбились с пути и все отдалялись и отдалялись от башни, полагая при этом, что возвращаются домой. Лунный пес утверждал, что облазил всю светлую сторону Луны и знает ее наизусть (в действительности он был весьма склонен к преувеличениям). Однако со временем и он был вынужден признать, что местность выглядит несколько странно.

— Боюсь, я очень давно здесь не был, — промолвил он наконец, — и начал немножко забывать это место.

На самом — то деле он никогда прежде здесь не был. Нечаянно они забрели слишком близко к полутени на краю темной стороны Луны — туда, где в сумерках среди всяких полузабытых вещей искажаются пути и воспоминания. В тот самый момент, когда они определенно уверили себя, что находятся на правильном пути домой, они вдруг с изумлением обнаружили перед собой какие — то высоченные горы — безмолвные, голые, зловещие; и лунный пес уже больше не претендовал на то, что видел их когда — либо раньше. Они были серые, а не белые, выглядели так, словно были сложены из старого остывшего пепла; и лишенные признака жизни длинные туманные долины пролегали между ними.

Затем пошел снег. На Луне часто идет снег, но «снег» этот (как его там называют), обычно приятный, теплый и совершенно сухой, оборачивается чудесным белым песком, который вдобавок полностью улетучивается. Этот же был похож на наш: он был сырой и холодный. И грязный.

— Я чувствую себя так, будто я бездомный, — сказал лунный пес. — Это совсем как та штуковина, которая так часто падала с неба в городе, где я жил щенком, в том мире — ну, ты знаешь… Ох, ну и печные же трубы там были: высоченные, как лунные деревья! И черный дым, и алый огонь очага… Иногда я чувствую, что устаю от белого цвета. На Луне кошмарно трудно по — настоящему вымазаться.

Теперь вы можете в некоторой степени представить себе вкусы лунного пса. И поскольку сотни лет назад таких городов в мире не было, вы можете предположить также, что он весьма сильно преувеличивал и время, прошедшее с момента его падения через край мира.

Однако именно в этот момент большой и грязный снежный комок залепил ему левый глаз, и он изменил свое мнение.

— Я думаю, эта ерунда заблудилась и свалилась из того мерзкого старого мира, пропади он к крысам и кроликам! — произнес он. — И мы тоже, похоже, заблудились! Давай поищем какую — нибудь дыру и зароемся в нее.

Чтобы найти хоть какую — то дыру, понадобилось некоторое время, и они успели ужасно промокнуть и замерзнуть. Они чувствовали себя так скверно, что, к сожалению, забились в первое же попавшееся укрытие, не приняв мер предосторожности, что необходимо делать в первую очередь, когда находишься в незнакомом месте на самом краю Луны. Укрытие, в которое они влезли, не было дырой — оно было пещерой, и пребольшой. В ней было темно и сухо.

— Здесь премило и довольно тепло, — промолвил лунный пес, закрыл глаза и немедленно погрузился в дремоту.

— Оу! — взвизгнул он почти сразу же, в одно мгновенье приходя в себя, как это умеют собаки. — Здесь слишком тепло!

Он вскочил на ноги. Было слышно, как в глубине пещеры лает маленький Роверандом. И когда он пошел посмотреть, в чем дело, то увидел струйку огня, тянущуюся по полу в их сторону. В тот миг он больше не чувствовал себя бездомным, тоскующим по огню очага. Он схватил Роверандома за загривок, быстро, как молния, кинулся вон из пещеры и, выскочив из нее, буквально взлетел на вершину скалы, находящейся рядом со входом. Там они и сидели, дрожа и глядя на вход; и это было чрезвычайно глупо с их стороны. Им бы надо было нестись домой — или куда угодно — быстрее ветра. Как вы видите, лунный пес знал о Луне не все, иначе он знал бы, что это было логовище Великого Белого Дракона — того самого, который боялся Человека лишь наполовину (и лишь когда тот бывал рассержен). Сам Человек слегка опасался Дракона. «Эта чертова тварь», — называл он его, когда вообще упоминал о нем.

Как вам, вероятно, хорошо известно, все белые драконы происходят с Луны. Однако этот побывал в нашем мире и вернулся обратно, так что он кое-что повидал. Это он сражался с Красным Драконом в Пещере драконов во времена Мерлина, о чем вы можете прочесть во всех наиболее достоверных книгах по истории того времени, — после чего тот, другой дракон стал о — очень красным. Это он позже причинил много вреда на Трех Островах. Оттуда он направился на вершину Сноудона, где жил некоторое время. И пока он там находился, люди не утруждали себя скалолазанием за исключением одного, которого Дракон чуть было не поймал, когда тот выпивал прямо из горлышка. Человек этот свернул свое занятие столь быстро, что бутылка так и осталась валяться на вершине, дав основание множеству людей следовать сему дурному примеру.

Долгое время спустя, вскоре после исчезновения короля Артура, в эпоху, когда драконьи хвосты стали почитаться большим деликатесом у саксонских королей, Дракон перелетел оттуда в Гвинфу. Гвинфа находится совсем неподалеку от края мира, и оттуда было несложно перелететь на Луну, особенно столь мощному и чудовищно гадкому дракону, как этот. С тех пор он так и жил на краю Луны, поскольку не знал точно, насколько сильными могут быть заклинания и ухищрения Человека — на — Луне.

Тем не менее это не мешало ему время от времени вмешиваться в цветовую гамму Луны.

Иногда, когда у него случались драконьи пирушки или приступы раздражения, он испускал из своей пещеры настоящее пламя, красное или зеленое; и нередко оттуда вылетали тучи дыма.

Раз или два он всю Луну затягивал красным дымом, так что совершенно гасил ее свет.

В таких случаях Человек — на — Луне наглухо запирался у себя (и запирал свою собаку) и говорил только: «Опять эта чертова тварь!» Он никогда не объяснял, какая тварь или где она живет, — он просто спускался в подвалы, раскупоривал свои лучшие заклинания и старался прояснить порядок вещей так быстро, как только было возможно.

Теперь вы знаете все. И если бы собаки знали хотя бы половину этого, они не стояли бы на месте. Но они стояли так по меньшей мере столько времени, сколько понадобилось мне, чтобы объяснить вам, что такое Белый Дракон. И за это время весь Дракон целиком — белый, с зелеными глазами, поминутно испускающий зеленый огонь и выдыхающий, подобно паровозу, клубы черного дыма, выполз из пещеры.

Затем он издал совершенно ужасающий рев. Горы содрогнулись и отозвались эхом. Снег испарился, лавины обрушились, водопады застыли.

У Дракона были крылья, похожие на паруса кораблей (когда те еще были парусниками, а не паровыми машинами). И он не остановился бы ни перед чем, чтобы убить кого угодно, начиная с мыши и кончая императорской дочерью. Он был настроен убить этих двух собак, о чем и предупредил их несколько раз, прежде чем подняться в воздух.

Это была его ошибка: псов как ветром сдуло с их скалы. И они с такой скоростью понеслись оттуда прямо по ветру, все быстрей и быстрей, что сам Мью был бы горд за них.

Дракон последовал за ними, хлопая крыльями, как дракон — хлопушка, и треща ими, как дракон — трещотка, сбивая верхушки гор и заставляя все овечьи колокольчики звонить, как колокол при пожаре. (Теперь вы поняли, для чего были нужны колокольчики?!)

К счастью, на сей раз прямо по ветру было верное направление. А кроме того, как только колокольчики обезумели, из башни вылетела гигантская ракета. Ее можно было увидеть с любой точки Луны: будто золотой зонтик взорвался тысячей серебряных кистей, отчего в нашем мире вскоре проистек непредсказанный дождь падающих звезд.

Если для бедных собак это послужило указанием, куда им лететь, то для Дракона являлось как бы предостережением. Но он уж слишком «набрал обороты», чтобы обращать внимание на подобные вещи.

Итак, сумасшедшая погоня продолжалась. Если вы когда — нибудь видели птицу, охотящуюся за бабочкой, и если вы можете представить себе более чем гигантскую птицу, охотящуюся за двумя более чем незначительными бабочками среди белых гор, тогда вы только — только приблизились к представлению о рывках и увертываниях на волосок от гибели и о диких зигзагообразных бросках этого полета домой. Собаки не преодолели еще и полпути, а Роверандом уже не раз хвостом ощущал позади жаркое дыхание.

Что же в это время делал Человек — на — Луне?

Ну, сначала он выпустил эту огромную ракету. Затем он произнес: «Чертова тварь!», и еще: «Чертовы щенки! Они вызовут преждевременное затмение!» И вслед за тем он спустился в подвалы и раскупорил кромешно — черное заклинание, видом напоминавшее желеподобную смесь дегтя с медом и пахнувшее как Пятое ноября вперемешку с квашеной капустой [5 ноября 1605 года в Лондоне был раскрыт заговор, имевший целью свержение короля и роспуск Парламента. В этот день, известный как «День Гая Фокса» (по имени самого известного из заговорщиков) в Англии жгут костры и устраивают фейерверки. (Вероятно, поэтому Пятое ноября должно пахнуть порохом.) — Прим. пер.].

В этот самый момент Дракон, вытянув громадную когтистую лапу, начал заход над башней, чтобы сшибить Роверандома прямо в никуда. Но так и не сшиб: Человек — на — Луне выстрелил из нижнего окна заклинанием и со всплеском поразил им Дракона в желудок (который у всех драконов особенно чувствителен). И затем он резко крутанул им, словно рычагом.

Дракон, потеряв от боли соображение, не сумел справиться с управлением и с грохотом врезался в гору. И трудно сказать, чему был нанесен больший ущерб — его носу или горе: и то, и другое «вышло из формы».

Итак, обе собаки ввалились внутрь башни через верхнее окно и еще целую неделю никак не могли отдышаться. А Дракон медленно, петляя из стороны в сторону, полетел восвояси и еще много месяцев тер нос.

Следующее затмение сорвалось, потому что Дракон был слишком занят зализыванием своего обожаемого пузика и не уделил этому внимания. И у него так и не сошли черные пятна — там, где его поразило заклинание. Боюсь, они теперь уже никогда не сойдут. Поэтому с тех пор его зовут Пятнистое Страшилище.

3

День спустя Человек — на — Луне посмотрел на Роверандома и сказал:

— Ты был на волосок от гибели. Похоже, светлую сторону ты исследовал совсем неплохо для молодой собаки. Думаю, когда ты наконец отдышишься, тебе стоит посетить другую сторону.

— А мне можно? — спросил лунный пес.

— Тебе это не пойдет на пользу, — сказал Человек, — да я и не советую. Ты можешь увидеть там то, от чего почувствуешь себя еще более бездомным, нежели от огня и дымовых труб, и что может оказаться не лучше драконов.

Лунный пес не залился краской только потому, что не мог этого сделать. Он ничего не сказал, но пошел и сел в углу и стал с изумлением думать о том, сколько же этот старый человек знает обо всем, что происходит, и обо всем, что говорится. Кроме того, он на какое — то время задумался, что означают слова старика. Но ненадолго: он был парень легкомысленный.

Что касается Роверандома, то когда он наконец спустя несколько дней отдышался, Человек — на — Луне пришел и свистнул ему.

Затем они шли все вниз и вниз по ступенькам, в подвалы, прорытые в скале и имевшие крохотные окошки, глядевшие по разные стороны пропасти на дикие лунные места, и затем по тайным ступеням, которые, как казалось, вели прямо в основание гор; и так до тех пор, пока, по прошествии долгого времени, не очутились в полностью затемненном месте и не остановились, — хотя голова Роверандома продолжала кружиться от всех этих миль ввинчивания вглубь подобно пробке.

В полной темноте Человек — на — Луне засветился бледным светом, наподобие светляка, и это был их единственный источник света. Его было тем не менее вполне достаточно, чтобы разглядеть большой люк в полу. Старик потянул люк на себя. И по мере того, как тот приподнимался, казалось, тьма истекает из отверстия, подобно туману, так что Роверандом больше не мог различить сквозь нее даже слабого мерцания, исходившего от Человека.

— Вниз, ступай вниз, хорошая собака, — произнес голос из черноты.

И вы вряд ли удивитесь, если услышите, что Роверандом не был хорошей собакой и не мог сдвинуться с места. Он прижал уши и отполз в самый дальний угол: он гораздо больше боялся этой дыры, чем старика.

Однако ничто не помогло. Человек — на — Луне просто поднял его и швырнул прямо в черную дыру. И, падая, падая в никуда, он слышал, как тот кричит ему, уже издали:

— Падай прямо и затем лети по ветру! Жди меня на другом конце — е–е!..

Это должно было бы его утешить, но не утешило. Позже Роверандом всегда говорил, что даже падение через край мира не могло бы быть хуже. Это был самый отвратительный миг во всех его приключениях. Когда бы он ни подумал о нем, у него всегда возникало чувство пустоты в животе. Вы и теперь можете быть уверены, что он опять переживает все это, когда громко скулит и дергается во сне на коврике у камина.

Однако все когда — нибудь подходит к концу. Спустя некоторое время падение начало замедляться и наконец почти полностью прекратилось. Остальной путь Роверандом проделал при помощи крыльев, и это напоминало полет все вверх и вверх через большую печную трубу. К счастью, ему всю дорогу помогал сильный сквозняк.

Как же он обрадовался, когда, наконец, добрался до верха!

Там он и лежал, тяжело дыша, на краю дыры, на другом ее конце, и послушно, хотя и с беспокойством, ждал Человека — на — Луне.

Тот появился еще не скоро, и у Роверандома достало времени разглядеть, что он находится на дне глубокой темной лощины, окруженной низкими темными холмами. Казалось, на их вершинах отдыхают черные облака, и между облаками виднелась только одна звезда.

Внезапно песик почувствовал, что очень хочет спать. Какая — то птица пела неподалеку в темных мрачных кустах усыпляющую песню, и это было странно и удивительно после немых крошечных птичек светлой стороны, к которым он привык. Он смежил веки.

— Эй, псина, просыпайся! — услышал он сквозь сон и вскочил как раз вовремя, чтобы увидеть, как Человек вылезает из дыры по серебряному канату, который в тот момент ловко закреплял на ближайшем дереве огромный бледно — серый паук (гораздо крупнее Человека).

Наконец Человек — на — Луне вылез и сказал пауку:

— Спасибо! Ну, а теперь живо убирайся!

И что бы вы думали: паук убрался, с превеликим удовольствием. На темной стороне Луны живут черные пауки, весьма ядовитые, хотя, возможно, и не такие огромные, как чудовища светлой стороны. Они ненавидят все белое, или белесое, или светлое, но особенно они ненавидят белесых пауков светлой стороны: этих они ненавидят люто — как богатых родственников, редко наносящих визиты своим не столь удачливым собратьям. Серый паук рухнул по своему канату обратно в дыру, и в этот самый миг из дупла вывалился черный паук.

— Эй — эй! — закричал старик черному пауку. — А ну — ка, назад! Это моя личная дверь, не забывай! Сделаешь мне гамак покрепче вон из тех двух тисов, и я, так и быть, прощу тебя.

— Ну и долгое же это дело — карабкаться сначала вниз, а потом вверх, сквозь середину Луны, — сказал он Роверандому. — Думаю, не помешал бы небольшой отдых, пока они не прибыли. Знаешь, они очень милые, но требуют порядочно энергии. Конечно, я мог бы прибегнуть к крыльям, да только я от них быстро устаю. А кроме того, это означало бы необходимость расширить дыру — ведь она не соответствовала бы моим габаритам с крыльями. Кстати сказать, я великолепный канатолаз.

— И как тебе эта сторона? — продолжал он. — Темная со светлым небом, да? А та была светлая с темным небом… Полная противоположность. Только здесь гораздо меньше настоящего цвета — ну, того, что я зову настоящим цветом: громкого и многозвучного.

Вон, видишь: чуть — чуть мерцает под деревьями? Огнебабочки, алмазные жуки, рубиномотыльки и все такое… Чересчур крошечные, чересчур — как все яркое на этой стороне. И живут ужасно — в соседстве, хм, с совами размером с орла, черными, как смоль, и с воронами, бесчисленными, как воробьи, размером с грифа, и со всеми этими черными пауками… Однако, что лично мне здесь меньше всего по нраву, так это бархатистые куцехвостки. Ни перед чем не останавливаются, летают где попало в облаках целыми тучами и не убираются даже с моей дороги. Стоит мне испустить сияние, как они тут как тут и забивают мне всю бороду…

И все же у этой стороны есть свои прелести, юноша, и прежде всего та, что ни один человек и ни один пес с Земли, кроме тебя, не видел ее! Разве что во сне.

Тут Человек внезапно прыгнул в гамак, который, пока он говорил, сплел чёрный паук, и в одну секунду уснул.

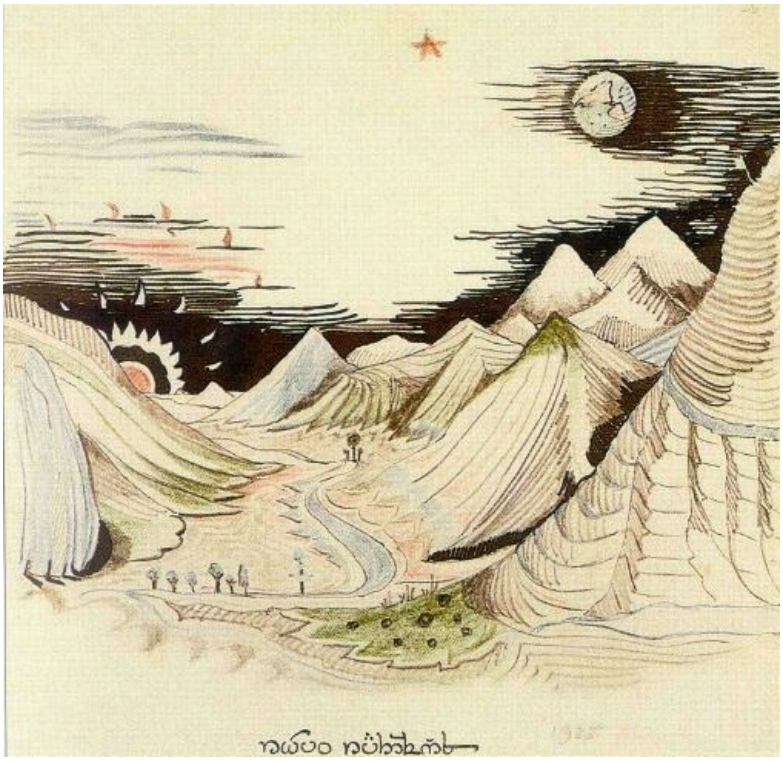
Роверандом сидел в одиночестве и наблюдал за ним, опасливо поглядывая, нет ли поблизости черных пауков. Небольшие мерцающие огоньки, красные, зеленые, золотые и голубые, вспыхивали и передвигались то здесь, то там под темными неподвижными деревьями. Небо было блеклое, со странными звездами над плывущими клочковатыми бархатными облаками. Тысячи соловьев, казалось, заливались еле слышно где — то в долине за ближайшими холмами.

И затем вдруг Роверандом различил звук детских голосов — или эхо эха голосов, — донесшийся до него вместе с внезапным мягким дуновением ветерка. Он выпрямился и залаял так громко, как еще ни разу не лаял с тех пор, как началась наша история.

— О, Боже! — вскричал Человек — на — Луне, дико подскочив со сна и вываливаясь из гамака на траву, почти на хвост Роверандому. — Они что, уже прибыли?

— Кто? — спросил Роверандом.

— Если ты их не слышал, так чего же брешешь? — сказал старик. — Пошли. Нам сюда.



Они начали спускаться по длинной тропе под нависшими кустами, отмечаемой слабым свечением камней по сторонам. Тропа уводила все дальше. Кусты сменились пиниями; ночной воздух был напоен ароматом сосны. Затем тропа начала карабкаться вверх, и спустя некоторое время они выбрались на вершину — самую низкую в кольце окруживших их холмов.

Роверандом заглянул вниз, в соседнюю долину, и все соловьи вдруг, словно по сигналу, прекратили петь. В воздухе поплыли детские голоса, ясные и нежные: много — много поющих голосов, сливающихся в единую музыку волшебной песни. Старик и пес дружно бросились вприпрыжку вниз по склону холма. И клянусь, Человек — на — Луне прямо — таки перелетал со скалы на скалу!

— Давай — давай! — торопил он. — Я — козел бородатый, седой и лохматый, и тебе

меня не поймать!

И Роверандому приходилось лететь изо всех сил, чтобы не отставать.

Но вот внезапно перед ними открылся отвесный обрыв, не очень высокий, но гладкий и блестящий, как антрацит. Заглянув за край, Роверандом увидел внизу сад в сумеречном свете. И по мере того как он смотрел, сумерки сменялись мягким сиянием полуденного солнца. Однако он так и не смог обнаружить, откуда исходил свет, заливавший все это скрытое отовсюду место, но абсолютно не проникавший вовне.

Внизу раскинулось множество длинных — предлинных лужаек с фонтанами, и повсюду были видны дети. Одни танцевали, словно в полудреме, другие блуждали, как лунатики, разговаривая сами с собой. Некоторые пробуждались от глубокого сна, иные уже совсем проснулись и бегали, смеясь, толкались, собирали букеты, строили беседки, ловили бабочек, перекидывались мячами, карабкались на деревья… И все они пели.

— Откуда они здесь? — спросил Роверандом, озадаченный и очарованный.

— Из дому, конечно, из постели, — сказал Человек.

— Но как они сюда попали?

— А вот этого тебе никогда не узнать. Тебе крупно повезло — как и любому, кому посчастливилось здесь очутиться, каким бы путем он сюда ни попал. Но дети попадают сюда совсем не так, как ты. Некоторые из них бывают здесь часто, другие редко. Я делаю большую часть их снов. Ну, какую — то часть они, конечно, приносят с собой — как завтрак в школу… Правда, как это ни неприятно, существуют и другие сны — их делают пауки. Но только не в этой долине, и если я не ловлю их за этим занятием. Ну, а теперь пошли, поучаствуем!

Темный обрыв круто уходил вниз. Он был слишком гладким даже для паука, не всякий бы осмелился даже попробовать спуститься. Да и потом, ведь в саду были скрыты сторожевые посты…

…не говоря уже о Человеке — на — Луне, без участия которого все происходящее, в частности, было бы неполным, поскольку все частности в некотором смысле являлись его собственной частью.

И вот теперь он скользил в самый центр этой своей части. Он просто сел и поехал, как на санках — фью — у–у, — прямо в середину толпы детей, с Роверандомом, крутящимся у него на макушке: тот совершенно забыл, что может летать. Или мог — потому что, когда он, наконец, смог твердо встать на ноги, там, внизу, то обнаружил, что у него больше нет крыльев.

— Что эта собачка делает? — спросил Человека один из малышей. Роверандом снова и снова вертелся вокруг себя, как волчок, пытаясь заглянуть за спину.

— Ищет свои крылья, малыш. Он думает, что они стерлись, пока он съезжал вниз, но на самом — то деле они у меня в кармане. Ведь здесь, внизу, крылья запрещены: никто не имеет права покинуть это место без разрешения, правда?

— Да! Дед — Борода — во — Сто — Лет! — закричали одновременно около двенадцати голосов, а один мальчик ухватил старика за бороду и шустро вскарабкался по ней к нему на плечо. Роверандом ожидал, что вот, прямо сейчас, он превратится в мошку, или в ластик, или во что — нибудь такое… Но…

— Черт возьми, а из тебя выйдет неплохой канатолаз, сынок! — произнес Человек. — Я буду давать тебе уроки.

И он подбросил мальчика высоко — высоко в воздух. И — ничуть не бывало: тот не упал на землю, а… встал в воздухе. Человек — на — Луне достал из кармана

серебряный канат и кинул ему.

— Ну — ка, слезай быстренько, — сказал он, и мальчишка соскользнул прямиком старику в руки, где его вдобавок еще и хорошенько пощекотали.

— Ты проснешься, если будешь так громко смеяться, — сказал Человек и, опустив малыша на траву, вернул его в толпу.

Роверандом, предоставленный сам себе, только — только направился к чудесному желтому мячику («*Ну совсем, как мой, у меня дома…*» — подумал он), как вдруг услышал голос, который, несомненно, был ему хорошо знаком.

— Это же моя собачка! — произнес голос. — Моя маленькая собачка! Я всегда знал, что она настоящая. Кто бы мог подумать, что она здесь! А я — то все искал и искал ее на берегу, и звал ее, и вспоминал каждый день!

Как только Роверандом услышал этот голос, он сел на задние лапы и начал «просить». — Моя «просящая» собачка! — сказал мальчик (ну конечно же, это был он!), подбежал и погладил пса по спине. — Ты куда пропал?

Однако Роверандом смог только произнести:

— Ты меня понимаешь?

— Конечно, — отвечал мальчик. — Просто в тот раз, когда мама принесла тебя домой, ты совсем не хотел понимать меня, хоть я и старался изо всех сил разговаривать с тобой лаем. И я сомневаюсь, чтобы ты сам пробовал мне что — нибудь говорить: мне казалось, ты все время думаешь о чем — то другом.

Роверандом сказал, что он очень извиняется, и рассказал мальчику, как выпал у него из кармана, и про Псаматоса и Мью, и вообще обо всех событиях, которые произошли после того, как он потерялся.

Вот каким образом мальчик и его братья узнали об этом чудном, живущем в песке старикане, а также о множестве других полезных вещей, которые в противном случае остались бы им неизвестны. Имя «Роверандом» показалось мальчику замечательным.

— Я тоже буду звать тебя так, — сказал он. — И не забывай, что ты все — таки принадлежишь мне!

Потом они бегали, играли в мячик, и еще в прятки, и в долгую прогулку, и в охоту на кроликов (разумеется, с единственным результатом — удовольствием, поскольку кролики существовали только в воображении), и в «чей плеск в пруду громче», и во множество других игр, одну за другой, бесконечные века; и они нравились друг другу все больше и больше…

Мальчик все кувыркался и кувыркался на росистой лужайке, хотя детям, казалось, давным — давно уже пора было спать. (Похоже, в этом месте никто не обращал внимания ни на сырую траву, ни на время идти спать.) А песик снова и снова прыгал через него и при этом стоял на голове, как не сделала бы ни одна собака в мире со времен дохлой собаки Матушки Хаббард [В английском детском стишке про матушку Хаббард есть такие слова]:

… Но когда она вернулась из пивнушки,Бедный пес лежал холодный, как лягушка.И пошла она горе заливать.…Но когда она вернулась из пивнушки,Пес скалил зубы, стоя на макушке.

А мальчик хохотал и… …вдруг исчез, совершенно неожиданно, бросив Роверандома на лужайке одного!

— Он проснулся, вот и все, — сказал Человек — на — Луне, внезапно появившись. — Отправился домой, и как раз вовремя. О! У него до завтрака всего четверть часа. Сегодня утром он пропустит прогулку на пляже. Ну, что ж! Боюсь, нам тоже пора…

Итак, крайне неохотно Роверандом отправился вместе со стариком на светлую сторону Луны.

Всю дорогу они шли пешком, что заняло у них очень много времени. Роверандому это путешествие совсем не показалось приятным, а ведь они видели всякие необычности и с ними происходили разнообразные приключения — разумеется, совершенно безопасные, поскольку Человек — на — Луне находился рядом. Это было весьма кстати, потому что в трясинах жило множество премерзких, наводящих ужас существ, которые в ином случае мгновенно бы сцапали нашего песика.

Темная сторона была столь же сырой, сколь сухой была светлая сторона, и заполняли ее самые необычайные растения и твари, о которых я обязательно рассказал бы вам, если бы Роверандом обратил на них хоть сколько — нибудь внимания. Но он не обратил: он все время думал о саде и мальчике.

Наконец они добрались до сумеречного края и в последний раз оглянулись на пепельные долины, в которых жило множество драконов. А прямо перед ними, за проходом среди гор, уже расстилалась Великая Белая Равнина с сияющими скалами. Они увидели наш мир, восходящий над плечом лунных гор, — огромную, круглую зелено — золотую луну, — и Роверандом подумал: «*Там живет мой мальчик!*» Эта луна выглядела устрашающим и громадным выходом куда — то.

— Сны сбываются? — спросил он.

— Некоторые из моих — да, — ответил старик.

— Некоторые, но не все. И редко какие прямо сразу или в точности в том виде, в каком привиделись. Но почему ты спросил про сны?

— Я только поинтересовался, — произнес Роверандом.

— Из — за мальчика, — сказал Человек. — Я так и думал.

И затем он вытащил из кармана телескоп, который растянулся на неслыханную длину.

— Чуть — чуть взглянуть, я думаю, тебе не по вредит, — промолвил он.

Роверандом посмотрел в телескоп, когда ему удалось, наконец, зажмурить один глаз и оставить открытым второй.

Он ясно увидел наш мир. Дальний конец лунной дорожки падал прямиком на море. Ему показалось, что он разглядел — еле различимо — длинные линии, прочерчиваемые стремительно скользящими по дорожке вниз крошечными людьми, но он не был полностью уверен. Свет луны быстро меркнул. Разгорался день.

Внезапно он увидел бухту песчаного колдуна (Но ни следа Псаматоса! Тот не допускал, чтобы за ним подглядывали.) Спустя некоторое время в круглое поле зрения вступили два маленьких мальчика, идущих по песку, взявшись за руки. «*Ищут раковины — или меня?*» — подумал пес.

Картина быстро сдвинулась, и перед ним предстал белый дом на обрыве, с садом, сбегающим к морю. И в воротах — вот уж неприятный сюрприз! — он увидел старого волшебника с его старой зеленой шляпой на затылке и расстегнутым

жилетом, сидящего на камне и курящего трубку, — как если бы ему ну совершенно нечего было делать, кроме как вечно сидеть и наблюдать.

— Что делает там, в воротах, старый Арта — как — вы — там — его — зовете? — спросил Роверандом. — Я — то думал, он давно обо мне забыл. Его каникулы еще не закончились?

— Нет, он поджидает тебя, моя псина. Он не забыл. Если ты вернешься туда прямо сейчас, настоящий или игрушечный, он в ту же секунду наложит на тебя какое — нибудь новое заклятье. Это не из — за того, что он так ценит свои штаны — их вскоре после того случая починили, но он чрезвычайно раздосадован тем, что Саматос прервал его колдовство. Правда, Саматос еще не оставил попыток восстановить с ним отношения.

И сразу вслед за тем Роверандом увидел, как ветер срывает с головы Артаксеркса шляпу и за ней срывается волшебник. И вот — полюбуйтесь! — на его штанах красовалась великолепная заплата, ярко — оранжевая с черными разводами.

— А я — то думал, волшебники способны лучше чинить свои штаны… — сказал Роверандом.

— Да, но он — то считает, что сделал это прекрасно! — сказал старик. — Он отколдовал кусок чьих — то занавесок. Люди получили страховку в случае пожара, он же получил красочное пятно, и обе стороны остались довольны. Тем не менее ты прав: я полагаю, это неудачный ход. Прискорбно видеть, после того как знаешь человека столько веков, что его магия слабеет… Однако для тебя это, возможно, и удача.

Человек — на — Луне щелчком свернул телескоп, и они продолжили путь.

— Возьми назад свои крылья, — сказал он, когда они достигли башни. — Ну, а теперь лети и забавляйся. Не приставай к лунным зайчикам, не убивай моих белых кроликов и возвращайся домой, когда проголодаешься или когда у тебя что — нибудь заболит.

Роверандом сразу же полетел искать лунного пса, чтобы рассказать ему про другую сторону Луны. Однако тот слегка ревновал, что пришельцу разрешили увидеть то, что не разрешали ему, и сделал вид, что ему совершенно не интересно.

— Все это звучит премерзко, — прорычал он. — Уверен, мне не хочется это увидеть. Полагаю, теперь тебе будет скучно на светлой стороне, где у тебя есть только я и нет твоих двуногих друзей. Жаль, что персидский волшебник так уперся и ты не можешь вернуться домой.

Роверандом был слегка уязвлен. Он снова и снова говорил лунному псу, что очень рад своему возвращению и что ему никогда не будет скучно на светлой стороне.

Вскоре они опять стали добрыми друзьями и продолжали заниматься вместе массой самых разнообразных вещей.

И все — таки сказанное лунным псом в порыве дурного настроения оказалось правдой. В том не было вины Роверандома, и он делал все, что мог, чтобы не показать этого, но почему — то ни одно из приключений или исследований не радовало его так, как прежде: пес постоянно думал о том, как они с мальчиком веселились в саду.

Они навестили долину белых лунных гномов (сокращенно — «луномов»), ездящих верхом на кроликах, делающих блины из снежных хлопьев и выращивающих в своих ухоженных садиках маленькие, не больше лютика, золотые яблоньки. Они насыпали битых стекол и гвоздей около логовищ нескольких малых драконов, пока те спали, и до полуночи лежали неподалеку, чтобы услышать, как те ревут от

ярости — ведь, как я уже говорил вам однажды, у драконов весьма нежные желудки, и ровно в двенадцать часов ночи, каждую ночь в течение всей своей жизни — не говоря уже об ином времени суток, — они выходят из дому немного промочить горло. Иногда псы даже осмеливались дразнить пауков, кусая паутину, освобождая запутавшихся в ней лунных зайчиков — и улетая как раз вовремя, покуда пауки кидали им вслед с вершины холмов свои лассо. Но все время Роверандом ждал почтальона Мью и «Мировых новостей» (ведь даже маленькая собака знает, что хотя в основном они касаются убийств и футбольных матчей, но, бывает, в самом дальнем уголке в них можно найти и кое — что получше).

Он пропустил следующий прилет Мью, так как был на прогулке. Однако, когда он вернулся, старик все еще был занят чтением писем и новостей. И похоже было, его здорово что — то развеселило: он сидел на краю крыши, свесив ноги, попыхивал чудовищного размера белой глиняной трубкой, выпуская целые облака дыма наподобие паровоза, и улыбался во все свое круглое старое лицо.

Роверандом почувствовал, что не может больше этого вынести.

— У меня болит внутри, — сказал он. — Я хочу вернуться к мальчику, чтобы его сон мог сбыться.

Старик отложил письмо (а оно было об Артаксерксе, и презабавное!) и вынул изо рта трубку.

— Действительно? Может быть, останешься? Это так неожиданно! Рад был встретить тебя! Непременно как — нибудь свались сюда снова! Сча — а–а — стлив буду видеть тебя в любое время, — выпалил он на одном дыхании.

— Замечательно, — продолжил он уже более отчетливо. — Артаксеркс пристроен.

— …Каким образом?! — спросил Роверандом, задрожав от возбуждения.

— Он женился на русалке и живет теперь на дне Глубокого Синего Моря.

— Надеюсь, она лучше заштопает его брюки! Зеленая заплата из морских водорослей будет хорошо гармонировать с его зеленой шляпой.

— Мой милый пес! Он женился в целом новом костюме из зеленых водорослей с розовыми коралловыми пуговицами и эполетами из актиний. И они сожгли его старую шляпу на берегу! Все это устроил Саматос. О! Саматос глубок, как глубоко Глубокое Синее Море, и я ожидаю, что таким образом он полагает выгодно уладить множество дел. Множество — а не только твое, мой пес.

Интересно, чем все обернется! По — моему, Артаксеркс впадает в детство в двадцатый или двадцать первый раз. Суетится из — за пустяков. Трудноизлечим, выражаясь точнее. Прежде он был неплохим магом, но у него портится характер: в последнее время он стал совершенно непереносим. Когда он заявился к старому Саматосу и, откопав его деревянной лопатой средь бела дня, вытянул из норы наружу за уши, саматист счел, что это уж слишком, — и меня это нисколько не удивляет. «Столько беспокойства, как раз в мое самое лучшее время для сна, и все из — за какой — то там несчастной шавки», — так он мне пишет, и можешь не краснеть.

Итак, когда оба они слегка поостыли, он пригласил Артаксеркса на русалочью вечеринку, и вот так все и произошло. Они вытащили Артаксеркса поплавать под луной — и он теперь никогда уже не вернется ни в Персию, ни даже в Першор. Он влюбился в пожилую, однако премилую дочь очень богатого морского царя, и они поженились на следующую же ночь.

Возможно, это и неплохо. В Океане некоторое время не было постоянного официального Мага. Протей, Посейдон, Тритон, Нептун и прочие им подобные — все они давным — давно превратились в пескарей или в мидий; и в любом случае они никогда не интересовались ничем и не заботились ни о чем за пределами

Средиземноморья: слишком уж увлекались сардинами. Старина Нйорд тоже давным — давно отошел от дел. И потом, разумеется, он ведь мог уделять делу только половину внимания после своей глупейшей женитьбы на великанше. Ты, вероятно, помнишь, что она влюбилась в него, потому что у него всегда были чистые ноги (это так удобно дома!), и разлюбила его, когда уже было слишком поздно: оказалось, что ноги у него всегда мокрые. Я слышал, нынче он совсем развалился. Совершенно одряхлел, бедняга. Ужасно кашляет из — за мазута в Северных морях. Греется сейчас на солнышке где — нибудь на побережье Исландии.

Был, конечно, еще Старик — из — моря [Протей, Посейдон, Тритон, Нептун — морские боги греческой и римской мифологии. Нйорд — норвежское морское божество. Старик — из — моря — персонаж из «Тысячи и одной ночи».]… Ну, этот хоть и мой двоюродный брат, но гордиться здесь абсолютно нечем. Та еще обуза: не желал ходить, вечно требовал, чтобы его кто — нибудь носил, — о чем, смею надеяться, ты слышал. Оттого и помер: сел год или два назад на плавучую мину (если ты знаешь, что это такое), прямо на одну из кнопок! Даже моя магия в данном случае ничего не смогла поделать. Это было хуже, чем с Шалтаем — Болтаем.

— А как же насчет Британии? — спросил Роверандом, поскольку он все — таки был английской собакой; хотя в действительности ему было скучновато слушать все это, а хотелось услышать еще что — нибудь о своем волшебнике. — Я думал, Британия правит волнами…

— В действительности она никогда даже ног не замочила. Она предпочитает фамильярно похлопывать на бережку львов по загривку и восседать на пенсе, держа в руке вилку для рыбных блюд. И уж конечно, из моря можно извлечь нечто гораздо большее, нежели волны.

Ну, теперь — то они заполучили Артаксеркса, и, я надеюсь, от него будет хоть какая — то польза. Правда, я полагаю, что в первые несколько лет он попытается выращивать сливы на полипах, если ему позволят, конечно. И это будет гораздо легче, чем управлять морским народом.

Ну — ну — ну! О чем бишь я?.. Разумеется, ты можешь теперь вернуться, если хочешь. Вообще — то, отбрасывая церемонии, тебе просто необходимо вернуться, и как можно скорее. Твой первый визит — к старику Саматосу. И не следуй моему дурному примеру — не забывай говорить «Пс» при встрече!

Мью возвратился на следующий же день и принес новую почту — бесчисленное количество писем для Человека — на — Луне и связки газет «Иллюстрированную еженедельную прополку водорослей», «Океанские взгляды», «Русалочью почту», «Моллюск» и «Утренний всплеск». Во всех газетах были помещены (на правах исключительной публикации) совершенно одинаковые фотографии свадьбы Артаксеркса: на берегу, при полной луне, в присутствии мистера Псаматоса Псаматидеса, известного финансиста (просто титул, в знак уважения), ухмылявшегося на заднем плане. Надо сказать, качество фотографий было получше, чем в наших газетах. По крайней мере, они были цветные, и на них было видно, что невеста — русалка действительно очень красива (ее хвост был в пене).

Настало время прощаться. Человек — на — Луне лучился улыбкой, глядя на Роверандома. Лунный пес старался выглядеть безразличным. У самого Роверандома был слегка поджат хвост. Однако он лишь сказал:

— Счастливо, щен! Береги себя. Не приставай к лунным зайчикам, не убивай белых кроликов и не переедай за ужином!

— Сам ты щен! — отвечал лунный Ровер. — И прекращай есть брюки волшебников!

И все. Тем не менее я верю, что с тех пор он беспрерывно приставал к Человеку —

на — Луне, упрашивая послать его на каникулы к Роверандому, и что тот несколько раз разрешал ему такое путешествие.

И затем Роверандом улетел с Мью, а Человек ушел в свои подвалы. А лунный пес все сидел на крыше и смотрел, пока они не скрылись из виду.

4

Дул ледяной ветер, срываясь с Полярной Звезды, когда они пересекли край мира, и холодная пыль водопадов обдавала их.

Путь назад давался с трудом, потому что на сей раз в магии Псаматоса не было спешки. Поэтому они рады были отдохнуть на Острове собак. Однако из — за своей все еще заколдованной величины Роверандом не получил от этого посещения особого удовольствия. Все собаки были чересчур большими и шумными и чересчур презрительно отнеслись к нему, а кости на костяных деревьях оказались слишком крупными и крепкими для его зубов.

Был рассвет послепослезавтрашнего дня, когда они, наконец, завидели вдали черные скалы дома Мью. Когда же они приземлились в бухте Псаматоса, солнце мягко грело им спины, а верхушки бугорков песка у воды уже посветлели и высохли.

Мью коротко крикнул и стукнул клювом по лежавшей на земле деревяшке. Деревяшка немедленно встала вертикально и обернулась левым ухом Псаматоса, к которому присоединилось и другое ухо, а затем, очень быстро, — и вся голова колдуна вместе с шеей.

— Эй, вы, двое, что вам угодно в это время дня? — грозно прорычал Псаматос. — Это мое лучшее время для сна!

— Мы вернулись! — произнесла чайка.

— И ты, я вижу, позволил, чтобы тебя всю дорогу тащили на спине? — сказал Псаматос, поворачиваясь к песику. — После драконьей охоты я мог бы предположить, что такой небольшой перелет для тебя — сущая ерунда.

— Извините, пожалуйста, — промолвил Роверандом, — но я оставил мои крылья там: в действительности они не принадлежат мне. И я бы предпочел снова стать обыкновенной собакой.

— О! Прекрасно. Тем не менее, надеюсь, тебе понравилось быть Роверандомом. Тебе непременно должно было это понравиться [Не исключено, что Толкин здесь намекает на еще один источник происхождения имени «Роверандом»: «Roverandom» созвучно «reverence» (ср.: «реверанс») — почтение, уважение, что в сочетании с суффиксом «dom» возможно перевести как «царство почтительности» (ср. «kingdom») — намек на то, что приключения приучили — таки Ровера быть вежливым. — Прим. пер.]. Впрочем, теперь ты снова можешь быть просто Ровером, если ты этого действительно хочешь. И, конечно, ты можешь отправляться домой и играть там своим желтым мячиком, и спать на креслах, когда представится случай, и сидеть на коленях, и вообще быть респектабельной маленькой пустолайкой.

— А как же мальчик? — спросил Ровер.

— Но я думал, ты сбежал от него, дурачок, аж на Луну, — промолвил Псаматос, делая вид, что удивлен и раздосадован, однако в одном из его знающих глаз мелькнул веселый огонек. — Я сказал: домой, и я имел в виду твой дом. Не заикайся и не возражай!

Бедный Ровер заикался, потому что пытался выговорить очень вежливое «мистер П — саматос». На это ему понадобилось некоторое время.

— П — п–пожалуйста, мистер П — п–псаматос, — наконец произнес он как можно более проникновенно, — п — п–пожалуйста, п — простите, но я снова с ним встретился, и я больше не стану убегать, и потом, ведь я действительно принадлежу ему, разве не так? П — поэтому я просто обязан вернуться к нему!

— Чушь и ерунда! Разумеется, ты не обязан и не вернешься! Ты принадлежишь той

старой даме, что первой купила тебя, и вернуться должен к ней. Если бы ты знал Закон, глупая ты собачонка, тебе было бы известно, что краденое или заколдованное покупать нельзя. Мать мальчика потратила на тебя шесть пенсов, вот и все. Да и вообще, что значит какая — то встреча во сне? — заметил Псаматос, лукаво подмигнув Роверу.

— Я думал, некоторые из снов Человека — на — Луне оборачиваются правдой, — сказал маленький Ровер очень печально.

— О! Неужели? Ну, это дело Человека — на — Луне. Мое же дело — вернуть тебе прежнюю величину и отправить назад по месту принадлежности. Артаксеркс отбыл в иные сферы своего применения, так что его можно в расчет не брать. Подойди — ка сюда!

Он немного придержал Ровера, плавно провел своей жирной ручкой около его головы и — ну — ка, быстро!

Никаких изменений не произошло…

Он повторил все сначала — и снова никаких изменений…

Тут Псаматос выскочил из песка, и Ровер впервые увидел, что у него ноги, как у кролика. И он начал топать, и кататься, и поддавать ногой песок в воздух, и крушить морские раковины, и фыркать, как рассерженный морж…

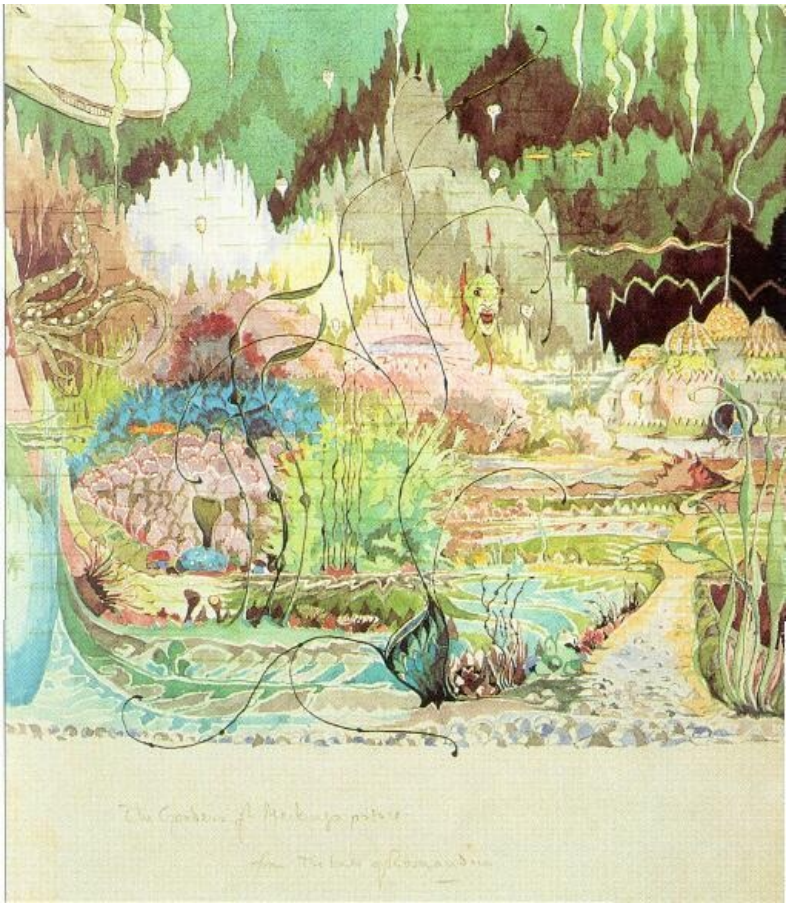
И все — таки ничего не произошло!

— Что натворил волшебник водорослевый, чтоб ему волдырями с бородавками покрыться! — выругался он.

— Что натворил персидский сниматель слив и сливок, чтоб ему в банку с повидлом влипнуть! — заорал он и продолжал орать, пока не устал.

Затем он сел.

— Ну и ну! — произнес он в конце концов, когда немного поостыл. — Век живи — век учись. Но Артаксеркс!.. Это нечто особенное. Кто бы мог подумать, что он будет помнить о тебе среди всех своих свадебных восторгов и потратит свое самое сильное заклятье — на кого?! — на собаку, перед самым своим медовым месяцем! Как будто его первого заклинания было недостаточно, чтобы шкуру спустить с несчастного глупого щенка!.. Ну, ладно. Во всяком случае, я избавлен от необходимости выдумывать, что делать, — продолжил Псаматос. — Возможно только одно. Тебе придется отыскать его и попросить у него прощенья.



Но, даю слово, я ему это попомню! Я буду помнить до тех пор, пока море не станет вдвое солонее и вполовину суше.

А пока вы, оба! Отправляйтесь — ка погулять и приходите через полчасика, когда у меня настроение улучшится.

Мью и Ровер двинулись вдоль берега по направлению к обрыву. Мью летел медленно, а Ровер печально трусил вслед за ним.

Они подошли к дому, в котором жили отец с матерью и три мальчика. Ровер даже в ворота зашел и сел на клумбе под окном своего мальчика. Было еще очень рано, но он все равно залаял и лаял, лаял безнадежно… Дети либо крепко спали, либо их не было в доме, потому что к окну никто не подошел. Во всяком случае, так думал Ровер. Он забыл, что в этом мире все совсем не так, как в саду с обратной стороны Луны, и что заклятье Артаксеркса все еще лежит на его величине и, следовательно, на громкости его лая.

Спустя некоторое время Мью медленно и скорбно понес его обратно к бухте.

Здесь его ждал совершенно неожиданный сюрприз: Псаматос разговаривал с китом! Это был Юин — старейший из всех Верных Китов. Со своей гигантской, возвышающейся над глубокой заводью головой, Юин показался крошечному Роверу целой горой.

— Извиняюсь, но я не мог раздобыть немедленно что — нибудь поменьше, — промолвил Псаматос. — Но он очень удобный.

— Входи! — сказал кит.

— Пока! Входи! — сказала чайка.

— Входи! — сказал Псаматос. — И быстро! Только не вздумай кусаться или царапаться изнутри: Юин может закашляться, и у тебя будут проблемы.

Это было почти так же жутко как тогда, когда ему велели прыгать в дыру в подвале Человека — на — Луне. Ровер попятился. И тогда Мью и Псаматос впихнули его вовнутрь.

Да — да, они запихнули его безо всяких церемоний, и китовьи челюсти с треском захлопнулись.

Внутри царила поистине непроницаемая тьма и пахло рыбой. Ровер сидел и дрожал. И пока он сидел, не смея даже почесать ухо, он слышал — или думал, что слышит, — как плюхает по воде китовый хвост. И он чувствовал — или думал, что чувствует, — как кит все глубже и глубже погружается, направляясь ко дну Глубокого Синего Моря.

Тем не менее, когда кит остановился и вновь широко разинул пасть (очень довольный, что может наконец — то сделать это, — потому что киты предпочитают плавать с широко раскрытой, наподобие трала, пастью, в которую сама в изрядном количестве заплывает пища; однако Юин был очень внимательным млекопитающим) и Ровер выскользнул наружу, там было глубоко, неизмеримо глубоко, однако совсем не сине. Откуда — то лился зеленоватый свет. Ровер обнаружил, что стоит на тропе из белого песка, извивающейся среди смутно видимого фантастического леса.

— Ступай прямо! Тебе не придется идти долго, — произнес Юин.

Ровер пошел прямо, насколько позволяла тропа, и вскоре увидел перед собой ворота величественного дворца, сделанного, казалось, из розового и белого камня и сиявшего бледным, пронизывающим стены светом. В окнах ослепительно сверкали зеленые и голубые огни. Стены со всех сторон окружали громадные морские деревья, даже еще более высокие, нежели дворцовые купола, которые, мерцая в темной воде, вздымались на необозримую высоту.

Огромные каучуковые стволы деревьев изгибались и колыхались, словно стебли травы, и в тени их бесконечных ветвей гнездились рыбки, наподобие птиц, — золотые, серебряные, красные, синие, фосфоресцентные… Правда, рыбы не пели. Но зато пели русалки во дворце.

Как они пели!

И все морские волшебные существа пели хором, и музыка плыла из окон, а сотни обитателей моря играли на трубах, дудках и морских раковинах.

Из темноты под деревьями ухмылялись, глядя на Ровера, морские гоблины, и он изо всех сил старался побыстрее проскользнуть мимо них: глубоко под водой лапы его стали неповоротливыми и грузными.

Почему он не утонул? Я не знаю. Хотя предполагаю, что об этом позаботился Псаматос Псаматидес (а он знает о море гораздо — о да, гораздо больше, нежели большинство людей может даже представить себе; и это несмотря на то, что он никогда не погружал в него даже мизинца), пока Ровер и Мью гуляли, а он сидел, остывал и обдумывал новый план.

Как бы там ни было, Ровер не утонул. Но еще прежде, чем добраться до входа, он уже почти желал очутиться в любом другом месте — пусть даже в сырых внутренностях кита. Потому что из пурпурных кустов высовывались такие причудливые формы и личины, что он чувствовал себя перед ними совершенно беззащитным.

Но вот, наконец, он очутился около огромной двери, а вернее, золотой, обрамленной кораллами арки с вделанной в нее дверью из цельной гигантской жемчужины, крепившейся на акульих зубах. Дверным молотком служило

громадное кольцо, инкрустированное белыми полипами, выпустившими наружу маленькие красные щупальца. Впрочем, Ровер все равно не мог достать до него, да и никоим образом не смог бы его сдвинуть. Поэтому он залаял.

К его удивлению, лай прозвучал довольно громко. Как только он пролаял трижды, музыка во дворце стихла, и дверь открылась.

И кто бы, вы думали, открыл ее? Артаксеркс собственной персоной, одетый в нечто бархатное, сливового цвета, и в зеленые шелковые брюки. И у него все еще была во рту большая трубка. Вот только выпускала она не табачный дым, а красивые радужные пузыри. Однако шляпы на нем не было.

— Ага, — сказал он. — Итак, ты вернулся. Я так и думал, что тебя скоро утомит этот старый Псаматос.

Ох, как же он фыркнул это преувеличенное «П»!

— Он же ни на что не способен! Ну, и зачем же ты пожаловал сюда? У нас тут вечеринка, а ты прервал музыку.

— Пожалуйста, мистер Артарксекс… То есть, я имею в виду, Артерксакс… — начал было Ровер, очень волнуясь и стараясь быть чрезвычайно вежливым.

— О, неважно, как это произносится! Я не обращаю на это никакого внимания! — произнес волшебник довольно сварливо. — Приступай прямо к объяснению, и покороче: у меня нет времени на пустую болтовню.

Со времени женитьбы на богатой дочери морского царя и назначения на пост Пан — Атлантического и Тихоокеанского Мага (ПАМа для краткости, когда его не было поблизости), он весьма преисполнился чувством собственной значимости (по отношению к посторонним).

— Если ты желаешь видеть меня по какому — нибудь неотложному делу, тебе лучше войти и подождать в зале. Возможно, я выберу момент после окончания танцев.

Он закрыл дверь позади Ровера и удалился.

Бедный пес остался один посреди огромного затемненного пространства под тускло освещенным куполом. Всюду виднелись сплошь занавешенные водорослями остроконечные арки. Все они были темными, за исключением одной, сквозь которую лился яркий свет и доносилась громкая музыка. Музыка все звучала и звучала, ни разу не повторяясь и ни на минуту не прерываясь для отдыха, и казалось, будет звучать вечно.

Роверу вскоре ужасно надоело ждать. Он подошел к сияющему дверному проему и заглянул за занавеску. Взгляду его открылась просторная бальная зала, имевшая семь куполов и десять тысяч коралловых колонн, полных теплой искрящейся воды и светящихся магическим образом. Золотоволосые русалки и темноволосые сирены пели и танцевали там свои танцы, сходные с набеганием волн друг на друга, — не танцы на хвосте, но дивные плавательные танцы: вверх — вниз, туда — сюда, в чистой, прозрачной воде.

Никто не заметил, как нос песика просунулся сквозь водоросли в дверь, и, поглазев немного, Ровер вполз внутрь целиком. Пол был сделан из серебристого песка и розовых раковин, широко раскрывших свои створки наподобие крыльев бабочек и взмахивавших ими в легких завихрениях воды, так что пес был вынужден осторожно пробираться среди них, держась поближе к стене.

Внезапно над ним раздался голос:

— Какая прелестная собачка! Это земная собачка — не морская, я уверена. Как она сюда попала, такая крошка?..

Ровер взглянул вверх и увидел красивую морскую леди с большим черным гребнем в золотых волосах, сидящую на уступе невысоко над ним. Ее достойный сожаления хвост свисал, покачиваясь, и она чинила один из зеленых носков Артаксеркса.

Разумеется, это была новоиспеченная миссис Артаксеркс (более известная как «принцесса ПАМ»: она была личность довольно популярная, чего никак нельзя было сказать о ее супруге). Артаксеркс в этот момент сидел подле нее и — было у него время на досужую болтовню или нет — слушал последнюю из своих многочисленных жен.

Вернее, слушал, пока не объявился Ровер. Миссис Артаксеркс бросила свою болтовню, а также починку носка, как только завидела песика, и, плавно соскользнув вниз, взяла его на руки и нежно понесла к себе в кресло. В действительности это был подоконник первого этажа: для морских обитателей почти нет разницы между дверьми и окнами — по той же причине, по которой у них нет лестниц. А также зонтиков.

Морская леди вновь удобно расположила свое прекрасное (и довольно обширное) тело на сиденье и водрузила Ровера к себе на колени. И немедленно из — под подоконника — кресла раздалось ужасающее рычанье.

— Лежать, Ровер! Лежать! Хорошая собака! — произнесла миссис Артаксеркс.

Однако обращалась она вовсе не к нашему Роверу, а к белой морской собаке, вылезшей невесть откуда, несмотря на то что ей было сказано, и теперь рычавшей, ворчавшей и колотившей по воде своими маленькими перепончатыми лапками, бьющей по ней большим толстым хвостом и пускающей пузыри своим острым носом.

— Фу, какая гадость! — произнесла эта новая собака. — Поглядите — ка на его жалкий хвост! Посмотрите на его лапы! На его дурацкую шерсть!

— Да ты на себя посмотри! — не задержался с ответом Ровер, сидя на коленях морской леди. — И тебе вряд ли захочется делать это снова! Ты, гибрид утки с головастиком, претендующий на то, чтобы зваться собакой! И кто только вздумал назвать тебя Ровером?

Из этого вы можете понять, что они весьма понравились друг другу с первого же взгляда.

Действительно, вскоре они уже были большими друзьями. Ну, возможно, не такими, как с лунным псом, но это разве только из — за того, что пребывание Ровера под водой было более кратковременным. А кроме того, глубины — не такое уж приятное место для маленьких собачек, не то что Луна. В них полно темных и ужасных мест, куда никогда не проникал и не проникнет свет, потому что они так никогда и не будут открыты, покуда на свете есть свет. Ужасающие существа живут там — слишком старые, чтобы это можно было себе представить, слишком сильные, чтобы на них подействовали хоть чьи — то заклинания, слишком огромные, чтобы их измерить. Артаксеркс успел уже это заметить. Пост ПАМа — не самое увлекательное занятие в мире…

— Ну, а теперь, плывите и забавляйтесь! — произнесла его жена, когда собачья перепалка закончилась, и животные стали просто обнюхивать друг друга. — Не приставайте к огненным рыбам, не жуйте актинии, не попадайтесь двустворчатым моллюскам — и возвращайтесь к ужину!

— Простите, пожалуйста, — робко сказал Ровер, — но я не умею плавать.

— О, господи! Какая досада! — промолвила она. — А ну — ка, ПАМ (она была единственная, кому не возбранялось называть его так в глаза)! Вот наконец — то нечто, что ты действительно мог бы сделать.

— Конечно — конечно, моя дорогая! — произнес волшебник, горя желанием

услужить ей и довольный, что может продемонстрировать кое — какие из своих магических способностей и тем самым доказать, что он не совершенно бесполезен в качестве официального лица (надо сказать, на морском языке у чиновников существует прозвище — что — то вроде нашего «банный лист» [Очевидно, из — за их назойливости. — Прим. пер.]).

Он вытащил из кармана жилета небольшую волшебную палочку — в действительности это была его авторучка, но под водой ею нельзя было писать: морской народ пользуется такими чудными вязкими чернилами, что их никак не применишь в обычной земной ручке, — и взмахнул ею над Ровером.

Что бы ни говорили некоторые, Артаксеркс, несомненно, был очень хорошим магом. А иначе с Ровером никогда бы не случилось все то, что случилось. Другое дело, что магическое искусство, которым он владел, касалось вещей малозначительных и, кроме того, нуждалось в постоянной практике.

Как бы там ни было, после первого же его взмаха хвост Ровера начал приобретать рыбоподобие, его лапы стали перепончатыми, а шкура все больше и больше походила на непромокаемый дождевик. Надо сказать, наш пес быстро привык к своему новому облику и обнаружил, что научиться плавать гораздо легче, чем летать, что это почти так же приятно и совсем не столь утомительно, — конечно, если вы не будете упорно пытаться утонуть.

После пробного заплыва вокруг бальной залы он первым делом укусил морскую собаку за хвост. Разумеется, в шутку. Однако эта шутка моментально привела к драке, поскольку морской пес обладал несколько обидчивым характером. Спасаясь, Ровер бежал со всех ног. О да, ему понадобилось все его проворство!

Вот это была погоня! Из окна в окно, сквозь темные коридоры и вокруг колонн, наружу, вверх, вокруг куполов… Пока, наконец, сам морской пес не выдохся, и его дурной характер тоже, и тогда псы уселись рядышком на верхушке самого высокого купола близ флагштока. Сотканное из алых и зеленых водорослей и усыпанное жемчугом знамя морского царя плыло над ними.

— Как тебя зовут? — спросил морской пес после паузы, во время которой он никак не мог перевести дыхание. — Ровер? — переспросил он. — Так это же мое имя! Я первый получил его, поэтому тебя не могут так звать!

— Откуда ты знаешь, что ты первый?

— Ну как же! Я же вижу, что ты еще щенок, тогда как я был заколдован сотни и сотни лет назад. Полагаю, я — самый первый из всех собак — Роверов.

Мой первый хозяин был истинным ровером — бродягой, морским скитальцем, чей корабль бороздил северные воды. Это был большущий корабль — очень длинный, с алыми парусами и резным носом в виде дракона. И мой хозяин любил его и звал Алый Червь.

А я любил хозяина, хотя и был всего лишь щенком. Хозяин едва замечал меня, поскольку я недостаточно вырос, чтобы ходить на охоту, а в плаванье он собак не брал. Но однажды я отправился в море, не спросясь.

Он прощался с женой. Дул свежий ветер, и люди скатывали Алого Червя в воду. Вокруг шеи дракона кипела белая пена, и я внезапно почувствовал, что могу больше никогда не увидеть хозяина, если не отправлюсь вместе с ним. Кое — как я вскарабкался на борт и спрятался за бочкой с водой. И прежде чем меня нашли, мы были уже далеко в море.

Тогда — то меня и прозвали Ровером — когда вытаскивали на свет за хвост. «Вот так морской бродяга!» — сказал один. «И странная же у него судьба: никогда не вернуться домой», — сказал другой, с чудными глазами. И действительно, я так и

не вернулся домой. И я так и не вырос нисколько, хотя теперь я гораздо старше — и мудрее, разумеется.

В тот раз у нас случился морской бой. Я взбежал на нос, а вокруг падали стрелы, и мечи звенели о щиты. Люди Черного Лебедя взяли нас на абордаж и швырнули за борт всех людей моего хозяина. Он был последним. Он стоял рядом с драконьей головой, затем бросился в море во всей броне, и я бросился вслед за ним. Он пошел ко дну быстрее, чем я, и его подхватили под водой русалки.

Я попросил их поскорее вынести его на землю, ибо многие будут плакать, не вернись он домой. Они улыбнулись и взвились с ним вверх, и унесли его прочь. И теперь некоторые говорят, что они вынесли его на берег, а другие качают головами, когда я их спрашиваю об этом. На русалок нельзя положиться: они хранят свои секреты так, что превосходят в этом даже устриц.

Я часто думаю, что на самом — то деле, вероятно, они похоронили его в белом песке: далеко — далеко отсюда все еще можно видеть кусок Алого Червя, потопленного людьми Черного Лебедя. Во всяком случае, он был там, когда я в последний раз проплывал мимо. Вокруг рос лес водорослей и покрывал его целиком, за исключением головы дракона — на ней каким — то чудом не обосновались даже полипы. И вот под ней — то я и увидел насыпь из белого песка.

Я покинул те места очень давно. Мало — помалу я превратился в морского пса — в то время старейшие обитательницы моря неплохо колдовали, и одна из них была добра ко мне. Это она преподнесла меня в качестве подарка морскому царю, деду правящего ныне, и с тех пор я всегда нахожусь во дворце или поблизости от него.

Вот тебе вся моя история. Случилось это сотни лет назад. С тех пор я повидал много верхних и нижних морей, но никогда больше не был дома.

Ну, а теперь расскажи о себе! Я полагаю, ты никоим образом не с Северного моря — прежде мы звали его Английским морем — и не знаешь никаких древних мест на Оркнейских островах или поблизости от них?

Наш Ровер вынужден был сознаться, что никогда прежде и не слыхивал ни о чем таком, кроме как просто о «море», да и об этом — то весьма немного.

— Но зато я был на Луне, — сказал он и поведал своему новому другу все, что, как он надеялся, тот сможет понять. Морскому псу ужасно понравился рассказ Ровера, и он поверил по крайней мере половине услышанного.

— Веселенькая байка, — промолвил он. — Лучшая из всех, что я слышал за долгое время. Я видел Луну — знаешь, я иногда поднимаюсь на поверхность, — но я и представить себе не мог на ней ничего подобного. Но черт! Каков наглец этот небесный щенок! Три Ровера! Два — и то слишком, но уж три… И я ни на минуту не поверю, что он старше меня. Да я сильно удивлюсь, если ему стукнуло хотя бы сто лет…

И весьма вероятно, что он был абсолютно прав. Как вы, очевидно, успели заметить, лунный пес многое сильно преувеличивал.

— Во всяком случае, — продолжал морской пес, — он сам дал себе имя. Мое же было мне дано.

— Так же, как мое — мне, — сказал наш песик.

— Да, но безо всякого смысла, и прежде чем ты мог так или иначе его заслужить. Мне нравится идея Человека — на — Луне. Я тоже буду звать тебя Роверандомом. И, будь я на твоем месте, я бы так это и оставил: похоже, совершенно неизвестно, куда тебя еще может занести… Ну, пошли ужинать!

Ужин у них был рыбный. Однако Роверандом к этому скоро привык. Такая еда, судя по всему, устраивала его перепончатые лапы.

После ужина он вдруг вспомнил, зачем, собственно, явился на дно морское, и отправился искать Артаксеркса.

Он нашел его, когда тот выдувал пузыри на потеху морской детворе и превращал их в настоящие мячи.

— Пожалуйста, мистер Артаксеркс, не мог бы я побеспокоить вас, чтобы вы превратили меня… — начал было Ровер.

— О! Убирайся! — произнес волшебник. — Ты что, не видишь, что ли? Мне некогда. Я занят. Не сейчас.

Таким образом Артаксеркс весьма часто обращался с теми, кого считал незначительным. Он достаточно хорошо понимал, чего хочет Ровер, однако ничуть не торопился.

Итак, бедный Роверандом уплыл не солоно хлебавши и отправился в постель (точнее, в скопление водорослей на высокой скале в саду).

Случилось так, что именно в это самое время под скалой отдыхал старый кит. И если кто — нибудь вам скажет, что киты не спускаются на дно и не остаются там подремать несколько часиков, можете позволить себе не беспокоиться: старый Юин во всех отношениях был китом исключительным.

— Ну? — спросил он. — Как дела? Я вижу, ты все еще величиной с игрушку. Что, Артаксеркс не может сделать что — нибудь — или не хочет?

— Я думаю, он может, — сказал Роверандом. — Поглядите — ка на мой новый вид! Но каждый раз, как я пытаюсь подойти к вопросу величины, он твердит, что занят и что у него нет времени на долгие объяснения.

— Хм! — произнес кит и свалил хвостом подводное дерево, при этом Роверандома чуть не смыло со скалы.

— Сомневаюсь, чтобы ПАМ добился успеха в этих краях. Впрочем, это не моя забота. С тобой все будет в порядке, рано или поздно. А пока здесь есть масса нового, что ты можешь увидеть завтра. Спи. Спокойной ночи!

И он уплыл в темноту.

Доклад, сделанный им по возвращении в бухту, поверг старого Псаматоса в еще большую ярость.

Все огни во дворце погасли. Ни лучика от луны или звезд не пробивалось сквозь темную толщу воды, зеленый цвет которой все мрачнел и мрачнел, покуда не перешел в черноту без единого проблеска. Разве что проплывет неторопливо сквозь водоросли большая светящаяся рыба…

Сон Роверандома был глубок в ту ночь и на следующую, а также и все последующие ночи. И весь следующий день, а также следующий за ним он все высматривал и высматривал волшебника — и нигде не мог найти его. Он уже начинал чувствовать себя вполне морским псом и подумывать, а не для того ли он попал сюда, чтобы остаться здесь навечно, когда как — то раз утром морской пес сказал ему:

— Ну его к черту, этого волшебника! Не приставай ты к нему! Оставь его в покое хотя бы сегодня. Давай лучше уплывем куда — нибудь, по — настоящему далеко!

И они уплыли. И это «по — настоящему далекое» плавание обернулось для них путешествием на много и много дней.

За это время псы покрыли огромное расстояние; ведь вы должны помнить, что они

были созданиями заколдованными и мало кто из обычных обитателей моря смог бы за ними угнаться.

Устав от обрывов и гор на дне и от соревнований в скорости на средней высоте, они поднимались выше, выше и выше, на мили и мили, прямо сквозь толщу воды. Но, когда бы они ни достигали поверхности, кругом не было видно никакой земли.

…Море вокруг было гладким, спокойным и серым. Внезапно оно подернулось рябью, и темные заплаты запестрели на нем под слабым дуновением холодного ветра — ветра рассвета. В мгновение ока солнце, издав клич, проглянуло из — за обода моря, такое красное, словно выпило горячего вина, и, стремглав вспрыгнув в воздух, отправилось в свое ежедневное путешествие. Кромки волн окрасились в золото, а тени меж ними — в темную прозелень.

На границе моря и неба прямо в солнце плыл корабль, и на фоне пылающего огня мачты его казались черными.

— Куда он плывет? — спросил Ровер.

— О! Полагаю, в Японию, или в Гонолулу, или в Манилу, или на остров Пасхи, или Четверга, или во Владивосток, или куда там еще, — промолвил морской пес, чьи географические познания были несколько туманны, несмотря на хваленые сотни лет рыскания по морям. — Я думаю, это должен быть Тихий океан. Не знаю только, какая из его частей, — теплая, судя по ощущениям. Это довольно — таки обширное водное пространство. Поплыли дальше, не мешало бы чего — нибудь перекусить!

Когда они вернулись несколькими днями позже, Роверандом снова отправился на поиски волшебника — у него было такое чувство, что он дал тому отдохнуть достаточно долго.

— Пожалуйста, мистер Артаксеркс, не могли бы вы… — начал он, как обычно.

— Нет! Не мог! — заявил Артаксеркс даже еще более категорично, чем всегда.

Впрочем, на этот раз он действительно был очень занят. По почте поступили жалобы.

Как вы все, разумеется, можете себе представить, в море существует множество дел, которые идут неважно. И даже самый лучший ПАМ не может этого предотвратить. А с некоторыми из этих дел вообще непонятно, что можно поделать. Обломки кораблей сыплются на крышу вашего дома. Извержения вулканов, случающиеся на дне моря, — точь — в–точь, как у нас, — могут разметать ваше премированное стадо золотых рыбок, или разрушить дипломированную клумбу актиний, или уничтожить единственную и неповторимую жемчужную раковину или знаменитую скалу и коралловый сад. Дикая рыбина может затеять драку на проезжей части и покалечить русалочью детвору. Безмозглые акулы заплывают к вам в окно столовой и портят весь обед. Дремучие, немыслимых размеров монстры черных пропастей наводят ужас и творят безобразия…

Морской народ испокон веков терпел все это, однако не без жалоб. О да, они любили жаловаться! Конечно, они и теперь писали письма и в «Еженедельную прополку водорослей», и в «Русалочью почту», и в «Океанские взгляды», но ведь теперь у них был ПАМ! И вот они писали также и ему и ругали за все его — даже за то, что кого — то из них ущипнул за хвост его собственный ручной омар.

Они говорили, что его магия не соответствует требованиям (и это было действительно так), и что его зарплату необходимо снизить (что было правильно, но грубо), и что ему малы ботинки (что было также почти верно, хотя им бы надо было сказать «шлепанцы» — поскольку он был слишком ленив, чтобы часто надевать ботинки), и еще много чего — вполне достаточно, чтобы Артаксерксу было о чем беспокоиться каждое утро, особенно по понедельникам. Каждый раз по понедельникам его ожидало несколько сотен конвертов!

Был как раз понедельник. Поэтому Артаксеркс бросил в Роверандома обломок камня, и тот ретировался, как устрица из сетки.

Он очень даже обрадовался, когда, вылетев в сад, обнаружил, что вид его ничуть не изменился. И вправду, смею сказать, что, не ретируйся он так быстро, волшебник вполне мог бы превратить его в морского слизня или заслал бы его на самый Край Запредела (где бы он ни был) или даже в Клубящийся Котел (который находится в самом глубоком месте самого глубокого моря).

Пес был очень раздосадован и пошел излить душу морскому Роверу.

— Оставил бы ты его лучше в покое. Во всяком случае, пока не кончится понедельник, — посоветовал морской пес. — Если бы я был тобой, я бы вообще пропускал все понедельники. Пошли поплаваем!

После этого случая Роверандом дал волшебнику отдохнуть так долго, что они оба почти забыли друг о друге. Хотя не совсем: собаки так легко не забывают обломки камней…

Похоже было, что Роверандом весьма прочно обосновался во дворце в статусе домашнего животного. Он вечно пропадал где — то с морским псом, и нередко к ним присоединялась русалочья детвора. По мнению Роверандома, она была не такая веселая, как двуногие дети (но это, конечно, потому, что он не принадлежал морю изначально и не мог быть беспристрастным), но все же давала ему возможность чувствовать себя достаточно счастливым. Благодаря ей он мог бы остаться здесь навечно и в конце концов забыть про мальчика…

…если бы не кое — что, случившееся чуть позже.

Когда мы подойдем к этим событиям, вы можете задать себе вопрос: а не имел ли к ним отношения Псаматос?

Во всяком случае, в море было огромное количество детей, так что выбирать было из кого. У старого морского царя были сотни дочерей и тысячи внуков, и все они жили в том же самом дворце, и всем им ужасно нравились оба Ровера — и миссис Артаксеркс они нравились тоже. Жаль, что Роверандому не пришло в голову рассказать ей свою историю, ибо уж она — то знала, как добиться от ПАМа всего, чего угодно, при любом его настроении. Но в таком случае, разумеется, пес раньше бы покинул те места и, несомненно, лишился множества впечатлений.

Он посетил вместе с миссис Артаксеркс и некоторыми из морских ребятишек Великие Белые Пещеры, где втайне от постороннего глаза хранятся все драгоценности, что когда бы то ни было сгинули в море, и еще великое множество тех, что всегда были в море, включая, конечно же, целые горы жемчуга.

В другой раз они навестили малых морских фей, живущих на дне в своих крохотных стеклянных домиках. Плавают морские феи редко — чаще передвигаются по дну моря пешком, выбирая наиболее ровные места, и при этом всегда что — то напевают себе под нос. Или же ездят в колесницах — ракушках, запряженных самыми крошечными из рыбок; или скачут верхом, накинув на маленьких зеленых крабов уздечки из тончайших нитей (что, разумеется, не мешает тем, как обычно, передвигаться боком). И им досаждают морские гоблины, которые больше ростом, и уродливы, и скандалисты, и ничего другого не делают, кроме как дерутся, охотятся на рыб и носятся повсюду на своих морских коньках… Гоблины достаточно долго могут обходиться без воды и любят в шторм скользить на гребне прибоя к самой кромке берега. Некоторые из морских фей тоже так умеют, однако предпочитают тихие теплые летние ночи на пустынных побережьях, вследствие чего их мало кто может увидеть…

А как — то раз вернувшийся старина Юин для перемены обстановки устроил псам прогулку верхом на себе. Ну и ощущение же это было — будто вы оседлали

движущуюся гору! Они отсутствовали много — много дней и добрались до самого восточного края мира. Там кит всплыл на поверхность и изверг водяной фонтан такой высоты, что большая его часть выплеснулась через край, пределы мира.

А еще как — то он отправился с ними на другую сторону мира (и подобрался к ней так близко, как только посмел). И это было еще более долгое и еще более восхитительное путешествие; как Роверандом понял гораздо позже, когда вырос и стал пожилой, умудренной опытом собакой, — самое изумительное из всех пережитых им путешествий.

Рассказать вам обо всех их приключениях в Неотмеченных — на — карте — Водах и о том, что они видели мельком в землях, не известных географии, прежде чем пересекли Моря Смутных Отражений и достигли великой Бухты Волшебной Страны (это мы, люди, так зовем ее) позади Островов Магии, и увидели там, далеко — далеко, на самом краю Запада горы Прародины Эльфов и разлитый над волнами свет Самого Волшебства… — о, это составило бы, по меньшей мере, другую историю. На миг Роверандому даже показалось, что он видит эльфийский город на зеленом холме пониже линии гор — белоснежный проблеск, страшно далеко; но тут Юин вновь нырнул, да так внезапно, что он не смог удостовериться наверняка. Если это действительно так, то он — одно из очень и очень немногих двуногих или четвероногих созданий, ходящих по нашей земле, кто смог бросить взгляд на ту, другую землю — пусть и очень издали.

— Мне бы не поздоровилось, если бы нас заметили! — сказал Юин. — Никто из Лежащих Вовне Земель, как полагают, никогда даже и не приближался к этому месту, ни прежде, ни теперь. Так что — молчок!

Ну что еще сказать о собаках? Нет, они не забыли о каменных обломках и дурном характере. Несмотря на все самые разнообразные достопримечательности и на все свои поразительные путешествия, в самой глубине памяти Роверандом неизменно хранил свою обиду. И каждый раз, когда он возвращался домой, она вылезала наружу.

Первой же его мыслью бывало: «Ну, и где теперь этот чертов волшебник? Что пользы быть с ним вежливым? Да я опять при первой же, хоть крохотной возможности раздеру ему все брюки сверху донизу!..»

В таком состоянии духа был он и в тот раз, когда, после очередной безуспешной попытки поговорить с Артаксерксом наедине, увидел мага, отбывающего по одной из ведущих из дворца царских дорог. Тот, конечно, был слишком гордым, чтобы, в его — то годы, отращивать хвост или плавники и учиться плавать как следует. Единственное, что он делал так же хорошо, как рыба, так это пил (даже в море! какова же должна была быть его жажда!). Массу времени, которое в ином случае он мог бы использовать для официальных дел, он проводил, наколдовывая в большие бочонки, стоявшие в его личных апартаментах, сидр. Если же он хотел передвигаться побыстрее, то на чем — нибудь ехал.

Когда Роверандом увидел его, он ехал в своем «экспрессе» — гигантской, закрученной винтом раковине, влекомой семью акулами. Народ освобождал дорогу моментально: акулы ведь очень больно кусаются…

— Давай за ним! — крикнул Роверандом морскому псу, и они припустили вслед по обрыву. И эти две противные собаки швыряли в карету здоровенные камни всюду, где она приближалась к обрыву. Как я уже говорил, они могли передвигаться изумительно быстро, и вот они мчались вперед, прячась в водорослевых кустах и спихивая вниз все, что лежало на самом краю. Это чрезвычайно досаждало волшебнику, но они тщательно следили за тем, чтобы он их не заметил.

Артаксеркс и выехал — то в ужасном расположении духа, а не успев проехать и мили, был просто в бешенстве — к которому, впрочем, примешивалась

значительная доля тревоги. Ибо ему предстояло расследовать ущерб, причиненный весьма необычным водоворотом, появившимся внезапно и в такой части моря, которая ему ну совсем не нравилась. Он полагал — и был совершенно прав, — что к происходящим в том районе пренеприятнейшим вещам лучше бы не иметь никакого отношения.

Беру на себя смелость предположить, что вы уже смогли догадаться, в чем там было дело. Артаксеркс — мог.

Древний Морской Змей просыпался.

Или полудумал сделать это.

Долгие годы пребывал он в глубоком сне, но теперь начал поворачиваться. Когда он не был свернут в кольца, то достигал сотен миль в длину (некоторые говорят даже, что он мог бы протянуться от края до края мира, но это преувеличение); когда же он был свернут, то лишь одна пещера, помимо Клубящегося Котла — где он обычно и жил и где многие желали бы ему оставаться, — да, одна только пещера во всех океанах могла вместить его. И находилась она, к превеликому несчастью, вовсе не за сотни миль от дворца морского царя.

Когда Морской Змей во сне разворачивал одно — два из своих колец, воды взбаламучивались, и сокрушали человеческие дома, и нарушали покой людей на сотни и сотни миль вокруг. И было, конечно же, очень глупо посылать ПАМа посмотреть, что там такое, потому что Морской Змей слишком огромен, и силен, и стар, и туп, чтобы кто бы то ни было вообще мог его контролировать. Примордиальный [Предвечный. — Прим. пер.], предысторический, Сама Морская Стихия, легендарный, мифический и придурок — таковы были другие эпитеты, прилагаемые к нему, и Артаксеркс это слишком хорошо знал.

Даже если бы Человек — на — Луне работал без устали пятьдесят лет, он не состряпал бы заклинания столь развернутого и могущественного, чтобы оно оказалось способным сковать Морского Змея. Единственный раз он только попытался — когда в этом была уж совсем большая нужда, — и в результате по меньшей мере один континент ушел под воду.

Бедняга Артаксеркс рулил прямо ко входу в пещеру. Но еще не успев выйти из экипажа, он увидел высовывающийся из устья пещеры кончик змеиного хвоста.

Был он больше, чем целый состав гигантских цистерн для воды, и был он зеленый и склизкий…

Этого Артаксеркс вынести уже не мог. Он хотел домой, и немедленно, прежде чем этот Червяк начнет поворачиваться снова, — как все червяки, в самый случайный и неожиданный момент.

И тут все испортил маленький Роверандом. Он знать ничего не знал о Морском Змее и его чудовищной мощи. Он думал лишь о том, как бы досадить этому идиотскому волшебнику с его кошмарным характером. И когда подвернулся момент — а Артаксеркс стоял, как дурак, замерев и уставившись на видимый конец Змея, тогда как его скакуны ни на что особо внимания не обращали, — пес подполз поближе и укусил одну из акул за хвост, просто для смеха.

Для смеха! Но какого смеха!

Акула подпрыгнула и устремилась прямо вперед, и повозка подпрыгнула и также устремилась вперед; и Артаксеркс, который только — только повернулся, чтобы влезть в нее, свалился на спину. Затем акула укусила единственное, до чего могла в тот момент дотянуться, а это был хвост впереди стоящей акулы. И та акула укусила следующую, и так далее, пока передняя из семи, не видя перед собой больше ничего, что можно было бы укусить…

О боже! Идиотка!!!

…Если б только она не бросилась вперед и не укусила за хвост Морского Змея!!!

Морской Змей совершил новый и весьма неожиданный поворот! И в следующий момент собаки почувствовали, как их, перепуганных до потери сознания, завертело волчком во взбесившейся воде, с размаху ударяя о крутившихся с головокружительной скоростью рыб и вращающиеся спиралью морские деревья, в туче выкорчеванных водорослей, песка, раковин и всякого хлама.

Становилось все ужасней и ужасней, потому что Змей продолжал поворачиваться.

И посреди всего этого вращался по всему пространству бедный старый Артаксеркс, кляня их последними словами.

Акул, я имею в виду.

К счастью для нашей истории, он так никогда и не узнал, что сделал Роверандом.

Я не ведаю, как собакам удалось добраться до дому. Во всяком случае, прежде чем это смогло произойти, прошло много, очень много времени. Сначала их вымыло на берег одним из ужасающих приливов, порожденных шевелением Морского Змея. Затем их выловили рыбаки и уже почти отослали в Аквариум (отвратительная судьба!), но в последний момент им удалось избежать этого ценой сбитых, не приспособленных к суше лап, которыми им пришлось пользоваться изо всех сил все время, пока они пробирались сквозь бесконечный земной беспорядок.

И когда, наконец, они вернулись домой, там тоже был ужасный беспорядок. Весь морской народ столпился вокруг дворца, выкрикивая:

— Подать сюда ПАМа! (Да — да! Они называли его так прилюдно, без всякого уважения).

ПОДАТЬ СЮДА ПАМа!!

ПОДАТЬ СЮДА ПАМа!!!

А ПАМ прятался в подвалах.

В конце концов миссис Артаксеркс отыскала его там и заставила выйти наружу; и весь морской народ завопил, когда он выглянул из чердачного окошка:

— Прекрати это безобразие!

ПРЕКРАТИ ЭТО БЕЗОБРАЗИЕ!!

ПРЕКРАТИ ЭТО БЕЗОБРАЗИЕ!!!

И они устроили такой гвалт, что люди на всех берегах всего мира подумали: почему это море сегодня шумит громче обычного?..

И ведь так оно и было!

И все это время Морской Змей продолжал поворачиваться, бессознательно пытаясь засунуть себе в пасть кончик хвоста.

Но хвала небу! Он не проснулся как следует, до конца, — а иначе он мог бы выползти наружу и в гневе тряхнуть хвостом, и тогда еще один континент пошел бы ко дну. (Конечно, насколько это действительно было бы достойно сожаления, зависит от того, что это за континент и на каком живете вы…)

Однако морской народ жил не на континенте, а в море, и прямо — таки в самом

пекле событий…

…и там становилось чересчур жарко. И они требовали, чтобы морской царь обязал ПАМа произвести какое — нибудь заклинание, найти средство или решение, способное успокоить Морского Змея. Ибо они не могли дотянуться руками до лица, чтобы перекусить или высморкаться, — так сотрясалась вода; и каждый ударялся о кого — нибудь еще, и вся рыба заболела морской болезнью — так колыхалась вода; и все вокруг так завихрялось и было так много песку, что все поголовно кашляли и танцы пришлось прекратить.

Артаксеркс тяжело вздохнул. Но все — таки он был обязан что — то предпринять. И вот он отправился в свою мастерскую и заперся на две недели, во время которых произошли три землетрясения, два подводных урагана и ряд беспорядков среди морского народа. Затем он наконец вышел и испустил грандиознейшее заклинание (в сопровождении убаюкивающего песнопения) в некотором отдалении от пещеры; и все отправились домой и засели в подвалах в ожидании — все, кроме миссис Артаксеркс и ее незадачливого мужа. Волшебник был обязан остаться (на расстоянии — но не на безопасном расстоянии!) и наблюдать за результатом; миссис же Артаксеркс была обязана остаться и наблюдать за волшебником.

Единственное, что сделало заклинание, — оно вызвало у Змея кошмарный сон. Ему приснилось, что он сплошь покрыт полипами (это было пренеприятно и частично соответствовало действительности), и, кроме того, медленно поджаривается в вулкане (что было очень болезненно и, увы, полностью являлось плодом его воображения).

И это разбудило его!

Впрочем, возможно, магия Артаксеркса все — таки была лучше, чем о ней полагали. Во всяком случае, Морской Змей не выполз наружу — к счастью для нашей истории. Он только положил голову туда, где был его хвост, зевнул, открыв пасть, широченную, как пещера, и издал такой громкий храп, что его услышали во всех подвалах всех морских королевств.

И произнес:

— ПРЕКРАТИТЕ ЭТО БЕЗОБРАЗИЕ!

И добавил:

— ЕСЛИ ЭТОТ ЗАКОНЧЕННЫЙ ИДИОТ — ВОЛШЕБНИК НЕ УЙДЕТ ОТСЮДА НЕМЕДЛЕННО

И ЕСЛИ ОН КОГДА — НИБУДЬ ТОЛЬКО ПОПРОБУЕТ СУНУТЬ В МОРЕ ХОТЬ ПАЛЕЦ,

Я ВЫЙДУ,

И ТОГДА Я СНАЧАЛА СЪЕМ ЕГО,

А ПОТОМ РАЗНЕСУ ВСЕ ДО КАПЛИ.

ВДРЕБЕЗГИ.

ВСЕ!

СПОКОЙНОЙ НОЧИ!

И миссис Артаксеркс увела ПАМа домой в полуобморочном состоянии.

Когда он пришел в себя — а произошло это быстро, о чем позаботились, — он снял со Змея заклинание и запаковал в мешок. И все говорили и кричали:

— Прогоните ПАМа прочь! Скатертью дорога! ВСЕ! Счастливо!

И морской царь сказал:

— Мы не хотим лишаться тебя, но мы думаем, что тебе лучше уйти.

И Артаксеркс почувствовал себя очень маленьким и незначительным (что было ему весьма полезно). Даже морской пес смеялся над ним.

Однако забавно, что Роверандом был огорчен.

В конце концов, у него ведь были свои собственные основания понимать, что магия Артаксеркса далеко не бездейственна. И разве это не он укусил за хвост акулу? И вообще, ведь все это начал он сам — тем, брючным покусом…

Он сам принадлежал земле и потому чувствовал, как тяжело бедному земному волшебнику, которого преследует весь этот морской народ.

Так или иначе, он подошел к старику и произнес:

— Пожалуйста, мистер Артаксеркс!..

— Да? — сказал волшебник вполне приветливо (он был так рад, что его не называют ПАМом, и он уже много недель не слышал обращения «мистер»). — Чего тебе, песик?

— Извините, пожалуйста. Честное слово, мне ужасно неприятно. Я не хотел…

При этом Роверандом думал о Морском Змее и акульем хвосте, но Артаксеркс (к счастью!) решил, что он подразумевает его брюки.

— Ну — ну, пойдем, — промолвил волшебник. — Не будем ворошить прошлое. Чем меньше сказано — тем легче исправить. Я думаю, нам обоим лучше отправиться домой, вместе, а?

— Но, пожалуйста, мистер Артаксеркс, — сказал Роверандом, — нельзя ли попросить вас вернуть мне мою обычную величину?

— Ну, конечно! — заявил волшебник, довольный, что нашелся кто — то, все еще верящий, что он хоть что — то может сделать. — Ну, конечно же! Однако, пока ты еще здесь, внизу, тебе безопаснее оставаться таким, какой ты есть. Давай — ка сначала уберемся отсюда! И потом, я действительно, поистине именно сейчас очень занят.

И он действительно и поистине был занят.

Он пошел в мастерскую и собрал все свои параферналии, инсигниции, меморандумы [Параферналии, инсигниции, меморандумы (лат.) — принадлежности, эмблемы, записи. — Прим. пер.], символы, своды рецептов, магические напитки, приборы, а также мешки и бутылки самых разнообразных заклинаний. Он сжег все, что могло гореть, в водонепроницаемом горне, остаток же свалил в саду с обратной стороны дворца. После этого там стали происходить сверхъестественные вещи. Цветы разрослись так, словно обезумели. Овощи стали чудовищно огромными. Рыбы, которые съели овощи и цветы, превратились в морских червяков, морских котов, морских коров, морских львов, морских тигров, морских дьяволов, морских свиней, дюгоней, цефалоподов, ламантинов и пагуб — или же просто отравились. А кроме того, там столь густо выросли всякие бедствия — призраки, привидения, замешательства, обманы, галлюцинации, — что никто во дворце больше не имел ни минуты покоя, и все его обитатели вынуждены были оттуда переехать.

Сказать по правде, они зауважали волшебника после того, как лишились его, и хранили о нем память.

Но это уже было гораздо позже. А в тот момент они требовали, чтобы он ушел.

Когда все было готово, Артаксеркс попрощался с морским царем — надо сказать, весьма холодно. Даже морская детвора не выглядела при прощании слишком огорченной, ведь он выдувал для нее пузыри (о чем я вам рассказывал) крайне редко. Правда, кое — кто из его бесчисленных свояченицы все же постарался быть вежливым — ведь рядом была миссис Артаксеркс; однако в действительности все с нетерпением ждали того момента, когда он выйдет за ворота и они смогут послать Морскому Змею смиренное послание: «Достойный сожаления волшебник отбыл и больше никогда не вернется, Ваша милость. Молим Вас, усните!»

Разумеется, миссис Артаксеркс ушла тоже. У морского царя было столько дочерей, что он вполне мог позволить себе потерять одну из них, особенно не скорбя, тем более десятую по старшинству. Он снабдил ее мешком драгоценностей и влажным поцелуем на ступенях дворца и вернулся к себе на трон.

Однако все остальные, и более всего множество морских племянниц и племянников миссис Артаксеркс, ужасно сожалели об одном — что им приходится терять также и Роверандома.

Больше всех был удручен этим морской пес.

— Всегда, когда будешь на море, капни мне весточку — и я мигом всплыву поглядеть на тебя.

— Обязательно! — сказал Роверандом. И с тем они покинули дворец. Старейший из всех китов ждал их. Роверандом сел на колени миссис Артаксеркс, и как только все они устроились у кита на спине, так тут же и отправились. И весь народ сказал «до свидания» очень громко и «скатертью дорога» тихо, но не очень.

Так Артаксеркс лишился звания Пан — Атлантического и Тихоокеанского Мага.

Кто творил с тех пор для морского народа колдовство, я не ведаю. Думаю, скорее всего, старый Псаматос и Человек — на — Луне управлялись с этим вдвоем. Они — то на это способны как никто!

5

Кит причалил у тихого берега далеко — далеко от бухточки Псаматоса — на этом особо настаивал Артаксеркс.

Миссис Артаксеркс и кит остались ждать, тогда как волшебник с Роверандомом в кармане прогулялся пару миль в соседний приморский городок, где обменял свой замечательный бархатный наряд (произведший на улицах сенсацию) на старый костюм, зеленую шляпу и немного табака. Он также приобрел сидячую ванну для миссис Артаксеркс (вы не должны забывать про ее хвост!).

— Пожалуйста, мистер Артаксеркс, — начал Роверандом еще раз, когда, ближе к середине дня, они снова сидели на песчаном берегу. Волшебник курил трубку, прислонясь спиной к киту, и выглядел он при этом гораздо более счастливым, нежели все предшествовавшее время, и совсем не занятым. — Не вернете ли вы мне мой настоящий вид? И нормальную величину тоже, пожалуйста!

— О, прекрасно! — промолвил Артаксеркс. — Я подумал, что могу вздремнуть чуть — чуть, прежде чем заняться делом, но — не возражаю. Покончим с этим! Ну — ка, где моя…

И затем он вдруг замолк. Он внезапно вспомнил, что сжег и выбросил все свои заклинания на дне Глубокого Синего Моря.

Он действительно ужасно расстроился. Он вскочил и стал шарить в карманах брюк, и в карманах жилета, и в карманах пиджака, снаружи и внутри, и никак не мог найти ни капельки магии ни в одном из них.

(Конечно же, ее там не было, глупый старик! Он был так взволнован, что даже забыл, что купил этот костюм в магазине ростовщика всего час или два назад. А до того костюм принадлежал — или, во всяком случае, был продан им в магазин — пожилому дворецкому, и уж тот — то, будьте покойны, перед тем как отдать его, вычистил все карманы.)

Волшебник сел и вытер лоб ярко — красным платком, и выглядел он опять жутко несчастным.

— Я действительно очень, очень извиняюсь! — сказал он. — Я никогда не думал оставлять тебя в таком виде навсегда. Но сейчас я не знаю, как тебе можно помочь. Пусть это послужит тебе уроком, чтобы впредь ты не кусал брюк милых, добрых волшебников!

— Какая смехотворная чушь! — перебила его миссис Артаксеркс. — Здесь нет ни милого, ни доброго, ни волшебника, если ты не можешь немедленно вернуть песику его вид. И более того: раз так, я возвращаюсь на дно Глубокого Синего Моря и больше никогда не вернусь к тебе.

Бедный старина Артаксеркс выглядел почти таким же встревоженным, как тогда, когда Морской Змей устроил весь этот переполох.

— Дорогая моя, — сказал он, — мне очень жаль, но я специально наложил на собаку мое самое — пресамое сильное антирасколдовательное заклятье после того, как Псаматос (черт бы его побрал!) начал вмешиваться, — чтобы показать, что ему не все дозволено и что я не потерплю, чтобы какой — то там песчано — кроличий волшебник вмешивался в мою частную жизнь, портя мне все удовольствие от развлечения. Я совершенно забыл оставить противоядие, когда производил чистку там, внизу! Обычно я хранил его в маленьком черном мешочке, висевшем на двери моей мастерской.

— О боже, боже! Я уверен, ты согласишься, что это была только шутка, — снова обратился он к Роверандому, и от огорчения нос его вырос и покраснел.

Он все продолжал повторять «о боже, боже!» и трясти головой и бородой и никак не замечал, что Роверандом не обращает на это никакого внимания, а кит подмигивает.

Миссис Артаксеркс поднялась и подошла к своему багажу. Затем она засмеялась и…

…в руке у нее оказался линялый черный мешочек.

— Хватит мотать бородой, займись — ка делом, — заявила она.

Однако, когда Артаксеркс увидел мешок, он так изумился, что несколько мгновений не мог ничего делать, а только смотрел на него с широко открытым ртом.

— Ну же! — сказала его жена. — Это твоя сумка? Я подобрала ее и еще несколько небольших предметов, принадлежащих мне, на той гадкой мусорной куче, которую ты оставил в саду.

Она развязала мешок, чтобы заглянуть внутрь, и оттуда выскочила волшебная палочка — авторучка, а вслед за ней вылетело облако потешного дыма, скручиваясь в странные формы и забавные физиономии.

И тут Артаксеркс поднялся.

— Эй, дай его мне! Ты растрачиваешь его! — закричал он. И затем он сгреб Роверандома за щетину на загривке и в мгновение ока, прежде чем вы успели бы сказать «нож», сунул его в мешок, повернул вокруг оси три раза, махая зажатой в доугой руке ручкой, и…

— Спасибо! Это замечательно! — сказал он и открыл мешок.

Раздался грохот и — вот так чудо — мешок исчез, и остался только Ровер, совсем такой, каким он был всегда, пока впервые в жизни не встретил на лужайке волшебника.

Ну, возможно, не совсем такой: он немного подрос, так как стал теперь на несколько месяцев старше.

Бессмысленно было бы пытаться описать, в каком он был восторге, каким забавным и уменьшенным все ему казалось — даже старейший из китов; каким сильным и свирепым он ощущал себя.

И был один момент, когда он с таким вожделением смотрел на брюки волшебника…

Однако он вовсе не хотел, чтобы все началось сначала, и потому, отбегав от радости кругами милю и отлаявшись так, что чуть голова не отвалилась, он подошел и сказал «спасибо», и даже добавил «очень рад был познакомиться с вами», что, как вы понимаете, было верхом вежливости.

— Не за что, — произнес Артаксеркс. — И это — последнее мое волшебство. Я удаляюсь на покой. А тебе лучше отправиться домой. У меня нет больше магии, чтобы с ее помощью отправить тебя туда, так что тебе придется идти самому. Но ведь это не составит труда для сильной молодой собаки?..

Итак, Ровер сказал «до свидания», и кит подмигнул ему, а миссис Артаксеркс дала кусок пирога; и это было последнее, что он о них запомнил.

Это потом уже, спустя много — много времени, посетив приморский район, где он никогда прежде не был, он узнал, что произошло с ними дальше, — ибо они там были. Не кит, разумеется, но отошедший от дел волшебник и его жена.

Они осели в приморском городке, и Артаксеркс, взявший имя «мистер А. Пам»,

держал рядом с пляжем магазинчик, где продавал сигареты и шоколад. Торговля ими шла вяло. Артаксеркс был очень, очень осторожен и никогда не прикасался к воде — даже если это была питьевая вода. (Впрочем, это не было для него слишком обременительно — ведь увлекался — то он сидром…) И он изо всех сил старался прибирать весь тот кошмарный свинарник, который устраивали на пляже его посетители…

…потому что ярко — розовые и страшно липкие «Леденцы Пама» определенно приносили ему недурной доход.

— В этом непременно должна была содержаться хоть крошечная капелька магии. Потому что дети любили их до умопомрачения, и ели их безостановочно, и не могли прекратить есть даже после того, как уронили и изваляли в песке.

Однако еще больше денег зарабатывала миссис Артаксеркс. Прошу прощения — миссис А. Пам.

Ведь она содержала купальни, а также палатки и вагончики для переодевания на пляже, и давала уроки плавания, и ездила в сидячей ванне, запряженной двумя белыми пони, и надевала сногсшибательные драгоценности морского царя… Одним словом, она стала очень знаменитой.

Так что никто даже и не вспоминал про ее хвост!

Однако в настоящий момент Ровер все еще медленно бредет по деревенским улицам и проезжим дорогам, следуя за своим носом, который обязательно в конце концов приведет его домой, как это свойственно собачьим носам…

«Не все сны Человека — на — Луне сбываются. Он сам так сказал, — думал Ровер, бесшумно скользя вдоль дороги. — Этот — то не сбудется. Ах, как жалко… Я ведь даже не знаю, как называется то место, где живет мальчик».

Как он обнаружил, суша подчас была местом не менее опасным для собаки, чем Луна или океан, хотя гораздо более скучным. Автомобиль за автомобилем, полные одних и тех же людей (так думал Ровер), летели мимо него невесть куда, обдавая тучами пыли и вонючего газа.

— Никогда не поверю, что хотя бы половина из этих людей знает, куда они едут или почему они туда едут или узнают это, когда приедут, — ворчал Ровер, кашляя и задыхаясь.

Когда лапы его уставали от трудных, мрачных черных дорог, он сворачивал в поля и бесцельно блуждал в них, слегка играл с птичками и кроликами и неоднократно упоительно дрался с другими собаками, временами со всех ног улепетывая от больших псов.

И таким образом, наконец — то, недели или месяцы спустя с того момента, как началась наша история (он сам не мог бы сказать точно, сколько прошло времени), он вернулся к своим родным садовым воротам.

И там, на лужайке, играл желтым мячом маленький мальчик! Сон стал явью — совсем как то, о чем он и не мечтал…

— Это же Роверандом! — закричал мальчик. И Ровер сел на задние лапы, и стал «просить», и не мог ничего пролаять, потому что у него вдруг пропал голос, а маленький мальчик обнял его, погладил по голове, а потом бросился в дом с криком: «Мой маленький просящий песик вернулся, большой и настоящий!»

Он все рассказал своей бабушке…

…Ну откуда же Ровер мог знать, что все это время он принадлежал бабушке мальчика?! Ведь к тому моменту, как его заколдовали, нашему псу было всего лишь два месяца…

Однако мне интересно, что знали об этом Псаматос и Артаксеркс?

Бабушка очень удивилась возвращению своей собаки, прекрасно выглядевшей, вовсе не сбитой машиной и не раздавленной велосипедом. Она никак не могла взять в толк, о чем это ей рассказывает малыш, и ему приходилось снова и снова пересказывать ей все, что он знал. С большим трудом, поскольку она была все — таки чу — у–точку туговата на ухо, бабушка поняла, что собаку теперь нужно звать Роверандомом, а не Ровером, потому что так сказал Человек — на — Луне («*ну, надо же, какие у ребенка оригинальные идеи…*»), и что теперь он принадлежит не ей, а мальчику, потому что мама принесла его домой с креветками («хорошо, хорошо, милый, пусть будет так, если хочешь, а я — то думала, что это я купила его у сына садовника…»).

Разумеется, я не стану пересказывать весь их спор — он был долгим и запутанным, как часто бывает, когда обе стороны правы. Ведь вам важно только то, что с тех пор пса стали звать Роверандомом, и что отныне он принадлежал мальчику, и что, когда время пребывания мальчиков у их бабушки закончилось, он вернулся с ними в дом, где однажды уже сидел на комоде. Конечно же, Роверандом никогда больше этого не делал.

Иногда он жил в деревне, большую же часть времени — в белом доме на обрыве над морем.

Он очень подружился со старым Псаматосом. Не настолько, конечно, чтобы выбрасывать из его имени букву «П», но вполне достаточно, чтобы, когда он уже вырос во взрослую, достойную собаку, будить его, вытаскивая из песка, и долго — предолго болтать с ним.

Правда — правда, когда Роверандом вырос, он стал очень мудрым и пользовался в округе огромным авторитетом.

И пережил за свою жизнь еще массу других приключений, во многих из которых участвовал и мальчик.

Однако эти, о которых я вам рассказал, были, наверное, самыми необычными и самыми восхитительными из всех.

Вот только Тинкер говорит, что не верит здесь ни единому слову. Кошки ревнивы!

Примечания

1

Газета «Таймс» от 7 сентября 1925 года сообщала, что «…в Уитли — Бей все павильоны с аттракционами и все лодочные причалы были разнесены вдребезги, а пляж усыпан щепками и обломками металла. …В Хорсни морские валы, вздымавшиеся на высоту 40 футов, выломали скамейки в беседках на новой прогулочной набережной и затопили поля на обширной территории. В купальном бассейне Южного пляжа в Скарборо свернуло с места большие плиты каменного парапета…» — и так далее. Метеослужба же предсказала «временами небольшие дожди».

2

Подлинники хранятся в Бодлиэнской библиотеке в Оксфорде: MS Tolkien Drawings 88, fol. 25 («Lunar Landscape»); 89, fol. 1 (не озаглавлено, «Ровер прибывает на Луну»); 89, fol. 2 («House Where «Rover» Began His Adventures as a «Toy»); 89, fol. 3 («The White Dragon Pursues Roverandom & the Moondog»); 89, fol. 4 («The Gardens of the Merking's Palace»).

3

Большинство из них опубликовано в 1976 году под заголовком «Письма Рождественского Деда» в издании, подготовленном Бейли Толкин.

4

bone — and — bottle — men — бродячие собиратели костей и бутылок или каких — либо других предметов (например, *rag — and — bottle man* — т. е. собиратель тряпья и бутылок), которые они продают на фабрики по переработке этих предметов, зарабатывая тем самым себе на жизнь. (В русском лексиконе к ним, вероятно, более всего подошло бы определение «старьевщики». — Прим. пер.)

5

Герой раннего рассказа Толкина и персонаж из «Властелина Колец» Том Бомбадил тоже носит шляпу с синим пером.

6

Представление, что игрушки оживают ночью или когда на них никто не смотрит, можно встретить во многих историях, таких, например, как «Стойкий оловянный солдатик» или «Цветы маленькой Иды» Г. Х. Андерсена.

7

Мать — это, конечно, Эдит (миссис Дж. Р. Р.) Толкин, а три ее сына — Джон, Майкл и Кристофер. Майкл — тот, что «особенно увлекался маленькими собачками».

8

Феи из цикла рассказов Льюиса Кэрролла «Сильвия и Бруно» (1889–1893), которым Толкин восхищался, свободно говорят «по — собачьи».

9

В самом раннем из сохранившихся черновиков Ровера вместо стула ставят на комод. Возможно, Толкин почувствовал, что это слишком высоко, чтобы Ровер, отправляясь обследовать дом, мог спрыгнуть отсюда даже на кровать, а перед наступлением утра вскарабкаться обратно. Ведь Ровер при всем том был игрушечной собакой, и очень маленькой (хотя временами он кажется более крупным). Фраза «взгляд его упал на комод…» поддерживает вариант из раннего черновика, и Толкин тут же несколько неловко добавляет в объяснение: «куда он, умываясь, поставил песика». Толкин оставляет также без изменения фразу «…к дому, где он однажды уже сидел на комоде».

10

Это, возможно, собственное изобретение Толкина, хотя оно поразительно схоже с фразой «яркая лунная дорожка, протянувшаяся от темной земли… по направлению к луне», появляющейся в «Саду с обратной стороны Луны» американского писателя и художника Говарда Пайла (1895). Главный герой в этой книге идет от берега по дорожке евета и попадает к Человеку — на — Луне. В «Роверандоме» Ровер не сам идет по лунной дорожке — его несет над ней чайка.

11

В раннем (рукописном) варианте текста песчаный колдун зовется псаммед — впрямую заимствованное название песчаной феи из историй Е. Несбит «Пять детей и Оно» (1902) и «История амулета» (1906). Подобно толкиновскому псаматисту, псаммед у Е. Несбит имеет несколько желчный, но игривый характер и больше всего любит спать в теплом песке. В первом машинописном варианте текста Толкин иногда пишет не *psammead, a samyad* и кратко именует Псаматоса — нилбог (гоблин, произнесенное задом наперед). Во втором машинописном варианте Псаматос зовется по имени или просто псаматист.

12

Каждое из слов Псаматос, Псаматидес и псаматист содержит греческий корень псаммос — песок. Псаматос проистекает из обычаев данного существа быть связанным с песком; Псаматидес содержит суффикс — идес, обозначающий отчество: «сын такого — то», а псаматист — суффикс — ист, т. е. «тот, кто посвятил себя некоей области знания»; отсюда, грубо говоря, Псаматос Псаматидес — «Песчаный, сын Песчаного»; псаматист — «специалист по песку».

13

Толкин в шутку обыгрывает тот факт, что в словах «Псаматос», «Псаматидес» и «псаматист», произносимых по — английски «должным образом», т. е. правильно, «П» в «Пс» не произносится. Однако Оксфордский словарь английского языка оспаривает практику опускания «п» в словах с «пс» как «ненаучную, часто ведущую к двусмысленности или вуалированию смысла слова» и, исходя из этого, рекомендует произносить легкое «п» во всех словах, заимствованных из греческого, за исключением psalm и psalter, где «п» не произносится.

14

«Длинные уши» псаматиста во всех ранних версиях были «рогами», пока в окончательном тексте не произошла замена. У несбитовской псаммед глаза расположены «на длинных рогах, как у улитки».

15

Имя вполне подходящее, если иметь в виду страну происхождения волшебника (см. следующее примечание). Его носили три царя Персии в V и IV веках до н. э., а также основатель династии Сассанидов в III в. н. э.

16

Першор — маленький городок недалеко от Эвешема в Ворчестершире. Разумеется, Толкин обыгрывает здесь почти омонимичность названий Персия и Першор, однако важно еще и то, что долина Эвешема славится своими сливами (включая желтую першорскую разновидность) и что брат Толкина Хилари являлся владельцем садовой плантации рядом с Эвешемом, где много лет выращивал сливовые деревья. («Любит сливы»/*plum* также — «лакомый кусочек», «сливки»/ свидетельствует еще и о том, что Артаксеркс «падок на сладкое» в переносном смысле слова — намек на его многочисленных жен. — Прим. пер.)

17

Весьма популярный в Англии алкогольный напиток, производимый из перебродившего яблочного (в данном случае сливового. — Прим. пер.) сока. Некоторые считают, что лучший сидр производится на востоке Англии, в том числе в долине Эвешема.

18

Mew, наряду с *gull*, означает просто «чайка».

19

Рядом с Файли находятся Спитон и Бэмптон, известные своими отвесными обрывами (высотой 400 футов) — местами гнездовий бесчисленных морских птиц. Правда, эти обрывы меловые, а не черные. Множество необитаемых островов с подобными обрывами и колониями птиц расположены вдоль северного побережья Англии.

20

Островом собак называется реально существующий «язык» суши, вдающийся в Темзу на юго — востоке Лондона. Свое имя, которое обыгрывает Толкин, он, возможно, получил при Генрихе VIII или Елизавете I, которые во время своего пребывания в королевской резиденции в Гринвиче держали там гончих.

21

Это согласуется с некоторыми традиционными английскими представлениями. Ср.: Шекспир, «Сон в летнюю ночь», акт V: «Вот этот малый — Лунный Свет; при нем терновый куст, фонарик и собака». (Перевод Т. Щепкиной — Куперник. Шекспир У. Полн. собр. соч. в 8 т. — М.: «Искусство», 1958. Т.3. С. 199).

22

В «Сказке Солнца и Луны» из «Книги утраченных сказаний» (The Book of Lost Tales, Part One, 1983) Толкин писал о «судне Луны», на котором бежит с Земли «седовласый престарелый эльф». «И там обитает он с этих пор… и маленькую белую башенку выстроил он на Луне, с которой часто наблюдает за ходом небес или за миром внизу… И некоторые зовут его Человеком — на — Луне…» В толкиновской поэме «Почему Человек — на — Луне спустился с Луны слишком рано» (впервые издана в 1923 году) место обитания Человека — «блеклый минарет»: «в лунной выси парит, белизною слепит в том краю, где серебряный свет». (The Book of Lost Tales, Part One).

23

Толкин обыгрывает два значения этой фразы. Слова лунного пса «в честь меня» (*after me*) понимаются Ровером как «в знак уважения». Но в возражении ему (следующая реплика лунного пса. — Прим. пер.) лунный пес расшифровывает, что имел в виду «в честь» в значении «позже, чем меня».

24

В «Книге утраченных сказаний»: «Луна не смеет тревожить абсолютное одиночество внешней тьмы… и странствует безмолвно низом мира…».

25

Подобный запрет, соединенный с советом, характерен для традиционной сказки. Предупреждение Человека — на — Луне многократно повторяется, а позже отзывается словами миссис Артаксеркс: «Не приставайте к огненным рыбам…».

26

В самом раннем варианте текста говорится: «Он так никогда и не узнал этого… да и на то, чтобы узнать то, что он узнал, ушло много времени». [Надо сказать, во всей этой истории обнаруживается определенный «потайной» — сакральный, мистериальный, смысл, — кстати сказать, в том или ином виде характерный для мифологий вообще и для толкиновского свода легенд в частности. Итак: герой по недомыслию совершает некий не совсем благовидный поступок. Этот поступок оказывается проступком с точки зрения каких — то могущественных сил и активизирует силу, выступающую как «сила зла». Гармоничное бытие героя в окружающем его мире разрушено. (В сущности, то же мы видим и в эпопее «Властелин Колец», только здесь герой — Фродо — растачивается за «проступок» предыдущего в своем роду, а разрушается гармония самого мира.) Положительным моментом здесь сразу же оказывается то, что эта сила противодействует бездумному благополучию героя и разрушает иллюзию его гармонии с самим собой. Герой впервые в жизни испытывает страдание и — пускается странствовать с целью восстановить утраченное равновесие. Проходя через ряд мытарств, он ощущает свою беспомощность перед давлением обстоятельств. Однако на пути ему встречается мудрое, всезнающее, «высшее» существо, направляющее и «поправляющее» нашего героя, то есть берущее на себя по отношению к нему роль Учителя. (Думается, в связи с этим совершенно не случайно Псаматос говорит об Артаксерксе, что тот «сбился с пути, возвращаясь к себе», и что «первый, кто ему попался», направил его «не туда»: ведь и «высшие» существа, бывает, сбиваются с пути — подобно изменившему Пути Белого служения Саруману из «Властелина Колец».) Странствуя, герой проходит разные сферы, разные уровни Бытия, которые, если вглядеться повнимательнее, «отражаются» друг в друге (то есть все Бытие взаимообусловлено!). И в какой — то момент в его сознании наступает перелом: он осознает нечто скрытое в сокровенной глубине его подсознания (в «Роверандоме» такое «скрытое место» олицетворяет Долина сновидений с обратной стороны Луны) — нечто, без чего его жизнь бессмысленна! Однако странствия на этом отнюдь не кончаются. Напротив, кажется, что с того момента, как герой понял, что он должен делать, надежды на осуществление этого практически не остается. Но что — то уже сдвинулось в глубинных основах бытия в отношении его, и мировые закономерности, которые прежде оборачивались против героя, теперь начинают оборачиваться и против враждебных ему сил. Вспомним, сколько «неверных» поступков сделал Фродо: сколько раз он надевал кольцо, открывающее его воздействию «потусторонних» сил! Но именно благодаря таким вот «погружениям в инобытие», едва не стоящим ему жизни, он постепенно «утончается», обретает способность проникновения в сущность вещей (ведь он видит Сильмарилл владычицы Лориэна, в то время как Сэм его не видит; неудивительно, что впоследствии Эльфы сочли его природу достаточно преображенной и взяли его с собой в последнее путешествие к недоступной обычным людям вечной Прародине — за — Западным — Краем…). Тем самым, думается, он проникает и в свою собственную сущность, раскрывая, высвобождая в себе никогда бы не имевшую возможности проявиться в обыденных обстоятельствах непреодолимую волю выстоять против не какого — нибудь, а Мирового зла. «Неверные поступки» Роверандома тоже, похоже, имеют неодномерную «подкладку». …Интересно все же, какое отношение с самого начала имели ко всей этой истории Псаматос и Человек — на — Луне? Во всяком случае, все «заварилось» явно не только с целью воспитания вежливости у щенка, но и в конечном счете с целью умеривания амбиций персидского волшебника, который явно все больше сбивался с Пути. Мудрость Толкина, в частности, проявляется в том, что он точно знает: глубина гораздо, неизмеримо глубже, чем то, что обычным человеком воспринимается как «хорошее» или «плохое», «светлое» или «темное». И «провал» Гэндальфа в бездны подземной Мории способствовал его преображению из Серого в Белого. И лишний укус «просто для смеха» или из обиды — если в результате его покусанным оказывается Сам Предвечный Змей — Мирозданье (выпускающий от этого на миг из пасти вечно кусаемый им хвост) — может способствовать утверждению в мире (и, в частности, в Океане) нового равновесия сил. После ряда катаклизмов, разумеется. Итак, вернемся к нашему

песику: на темной стороне Луны, в сне мальчика (сделанном Человеком — на — Луне) Ровер находит то, чего не нашел бы, останься он благополучной «маленькой пустолайкой». Он понимает, что создан быть Другом. Думается, именно для постижения самого себя и посылал его мудрый старый Псаматос в лунное «отражение» нашего мира к «величайшему из всех магов», без участия Которого все участи были бы неполными, поскольку все они в некотором роде являются Его собственной участью. — Прим. пер.]

27

Возможно, навеяны лошаде — качалко — мухами, драконо — трещотко — мухами и бутербродо — мухами из «Алисы в Зазеркалье» Льюиса Кэрролла (в русском переводе Н. Демуровой «баобабочки», «стрекозлы» и «бегемошки»; в переводе В. Орла «пчелампа», «торшершень», «саранчашка» и «саранчайник». — Прим. пер.). Ср. также здесь: «зудопчелы» (*flutterbies*) — инверсия от *butterflies* («бабочки») — сродни кэрролловскому flittermice («крыломыши»).

28

Музыка играет важную роль в создании атмосферы в «Роверандоме». Музыкальные звуки издают: растительность на светлой стороне Луны, соловьи и дети в саду темной стороны, морские подводные жители. Причудливые названия в абзаце о растениях Луны опираются на подлинные названия отдельных музыкальных инструментов и групп инструментов симфонического оркестра: струнные, медные духовые, деревянные духовые (в частности, язычковые), колокольчики, трубы, валторны, трещотки и т. д.

29

В более позднее время года все деревья… вспыхивали… бледно — золотыми цветами… Возможно, предвосхищение волшебных деревьев мэллорн из Лотлориена во «Властелине Колец»: «Ибо осенью их листья не опадают, но оборачиваются золотом» (кн.1, ч.2, гл.6).

30

Возможно, намек на случай с астрономом XVII в. сэром Полом Нилом, который заявил, что увидел на Луне слона, однако затем обнаружил, что ошибочно принял за слона забравшуюся внутрь телескопа мышь.

31

Как Бирмингем толкиновского детства, так и Лидс, где Толкин жил с семьей в то время, когда задумывался «Роверандом», были грязными, продымленными промышленными городами (сейчас там значительно чище).

32

rat and rabbit it... Английское уличное ругательство, свидетельствующее о «низких вкусах» лунного пса. *Rat* («крыса»; а также «изменник», «предатель». — Прим. пер.) является производным от *ed rat = drat* (приблизительно «чертова чушь», «проклятье»). *Rabbit* («кролик»; а также «слабак». — Прим. пер.) здесь: с тем же значением, что и rat.

33

Ср. в «Хоббите», гл. 4, в которой вся компания залезает в укрытие в пещере, совершенно не обследовав ее: «В том и состоит коварство пещер, что никогда не знаешь, далеко ли пещера простирается, куда она выведет и что подстерегает вас внутри». («Хоббит». Джон Р. Р. Толкин. «Лист работы Мелкина» и другие волшебные сказки. М.: РИФ. 1991. С.40).

34

Существует легенда о том, как саксонский король Вортигерн пытался построить башню поблизости от горы Сноудон для защиты от врагов, однако то, что бывало выстроено за день, разрушалось ночью. Юный Мерлин сказал Вортигерну, что под основанием башни лежит подземное озеро, и посоветовал осушить его. На дне озера обнаружились два спящих дракона — белый и красный, которые, пробудившись, сошлись в схватке. Красный дракон, сказал Мерлин, это британский народ, а белый — саксы, которые возьмут верх. Вследствие этого красный дракон станет «очень красным», т. е. покроется кровью поражения. (По другой версии победил красный дракон, олицетворявший королевский дом Пендрагонов, к которому принадлежал легендарный король Артур. Однако в конечном итоге саксы все же одолели бритов. — Прим. пер.) Полагали, что данное событие произошло в Динас Эмрисе в Гвинедде (Уэльс), который здесь зовут Каэрдрагон, «замок, или крепость дракона». В рукописном варианте фигурирует *Caervyrddin*, «форт Мирддина», т. е. Мерлина (Кармартен, Дифед), что было заменено в первом машинописном варианте текста на *Caerddreichion*, затем перечеркнуто и еще раз изменено на «Каэрдрагон».

35

От уэльского *Teir Ynys Prydein*, где *ynys* (букв.: «остров») означает «царство»; отсюда Три царства Британии: Англия, Шотландия и Уэльс.

36

Самая высокая вершина в Уэльсе (3560 футов), расположенная в национальном парке «Сноудония», Гвинедд. Толкиновское замечание по поводу человека, бросившего на вершине Сноудона бутылку, является намеком на привлекательность горы для туристов, бросающих там всякий сор. В первом варианте текста Толкин писал о посетителях Сноудона, «курящих сигареты, пьющих имбирное пиво и бросающих после себя бутылки».

37

Уэльское *gwynfa* (или *gwynva*) буквально означает «белое (или благословенное) место», т. е. «рай» или «небеса». Название «Гвинфа» в легендах или фольклоре отсутствует, однако совмещение его здесь с «исчезновением короля Артура» (в раннем тексте — «смертью короля Артура»), т. е. удалением того в иной мир (Авалон), предполагает, что Гвинфа — это место подобного рода, «неподалеку от края мира». Возможна связь с *Gwynvyd* — высшим небесным миром в уэльсской традиции. Или же, может быть, «белое место» — это просто место, куда должен был удалиться Белый Дракон, и что такое название — игра слов, так же как «Сноудон» буквально означает «снежный холм». Упоминание драконьего хвоста как деликатеса встречается также (в черновике, написанном приблизительно в то же время) в «Фермере Джайлсе из Хэма»: «Еще остался обычай подавать королю драконий хвост на рождественский обед» (Джон Р.Р. Толкин «Лист работы Мелкина» и другие волшебные сказки. — М. РИФ. 1991. С. 196). Похоже, Толкин подразумевает, что дракон улетел, чтобы избежать охоты на него ради его хвоста. В первом машинописном тексте фраза «когда драконьи хвосты стали почитаться…» служит также введением в затем вычеркнутый комментарий по поводу «саксонских королей»: «свирепая раса (т. е. саксы), о которой некоторые полагают, что она никогда не существовала». Кристофер Толкин предлагает трактовку этой фразы как критики французского ученого Эмиля Легуа. И действительно, в истории английской литературы, написанной Легуа и его коллегой Луи Казамьяном и опубликованной в Англии в 1926 году (ранее опубликована на французском), доказывается, что англосаксы были спокойным, оседлым народом (а не «свирепой расой») и что в их литературе нереально найти «отражение германского варварства».

38

Во время затмения Луна иногда приобретает медно — красный оттенок.

39

После этого в окончательном тексте (однако отмеченное: «на выброс») стоит: «даже мотоцикл какого — нибудь юнца, несущегося по спящему пригороду, не сделал бы большего».

40

Дракон в «Королеве фей» Эдмунда Спенсера (1590) имеет крылья, подобные «… двум парусам, в которых полый ветер собирается сполна и скорость придает…»

41

В данном случае «дракон — хлопушка» и «дракон — трещотка» вызывают ассоциации не с рождественской игрой, а с фигурой дракона или головы дракона, сконструированной так, чтобы открывать и закрывать пасть. Такая фигура, бывает, участвует в представлении ряженых на Рождество или в иных общегородских представлениях и процессиях.

42

Остается тайной, как Человек — на — Луне координирует производимые Великим Белым Драконом затмения с расписанием («они приведут к преждевременному затмению!» и «дракон был слишком занят зализыванием своего обожаемого пузика, и не уделил этому внимания»). Однако задолго до «Роверандома» в различных мифологиях существовало традиционное мнение, что затмения производятся драконами — пожирающими, а не просто затемняющими, луну или солнце.

43

В «Почему Человек — на — Луне спустился с Луны слишком рано» Человеку «наскучил его блеклый минарет»: Не по болезненно — призрачным огням селенитов — Он устало тосковал по огню Погребального костра, рдеющего червонным и алым И испускающего оранжевые пламенеющие языки, По морям синевы и по оттенкам, полным страсти, На рассвете, танцующем и юном.

44

В действительности существует «орлиная сова» — разновидность сов крупного размера и свирепого нрава, изредка долетающая до Англии из Скандинавии. Обладает черно — коричневой окраской верхней части спины и головы.

45

По поводу сходства лунного сада с садом Дома Утраченной Игры из «Книги утраченных сказаний» уже было сказано в предисловии. В сочинении Говарда Пайла «Сад с обратной стороны Луны» главный герой Дэвид также посещает сад Человека — на — Луне, где возятся, играют и весело кричат дети. Здесь, в «Роверандоме», дети оказываются в саду во время сна, в то время как их реальные тела остаются на Земле. Дэвид попадает в сад более прозаическим способом, нежели Роверандом, — по ступенькам с задней стороны дома Человека — на — Луне.

46

Самый ранний вариант текста включал недоработанный пассаж: «Это долина счастливых сновидений, — сказал Человек. — Здесь есть еще одна, но мы туда не пойдем. Большинство тех, кто видят ее, к счастью, ее забывают. Некоторые же из снов, которые они видят здесь, длятся вечно».

47

В «Роверандоме» Луна имеет отчетливо различимые «светлую» и «темную» стороны и, по всей видимости, остается такой все время: одна сторона «темная со светлым небом», другая — «светлая с темным небом». На настоящей Луне, конечно же, бывают день и ночь (хотя и иной протяженности, нежели на Земле), и «темная сторона» темная не оттого, что до нее не доходит свет, а оттого, что она всегда отвернута от Земли, и потому ее никто не видел, пока на лунную орбиту не были выведены с Земли спутники. Хотя Земля в данной повести плоская, очевидно, что Луна представляет собой шар: Роверандом падает сквозь нее прямо на противоположную сторону, а возвращаясь обратно с Человеком — на — Луне, наблюдает восход Земли.

48

Английская газета, известная своим пристрастием к сенсациям.

49

Игра на цитате из оперы «Испытание судей» Джилберта и Салливана (1871): «Итак, я влюбился в пожилую уродливую дочь богатого адвоката».

50

Протей и Посейдон — морские боги греческой мифологии. Нептун — аналогичное Посейдону божество римской мифологии. Тритон — также морской бог, сын Посейдона и одновременно «русал» (т. е. обладатель рыбьего хвоста) в греческой мифологии.

51

Норвежское морское божество. «Его дурацкая женитьба» — ссылка на историю, изложенную в «Младшей Эдде» в пересказе Снорри Стурулсона (1178/9—1241): боги обещали дочери великана, что она сможет выйти замуж за одного из них, в качестве компенсации за убийство ее отца Тора, но при этом ей разрешили перед выбором увидеть только ноги претендентов на должность будущего жениха. Она выбрала самые красивые ноги, надеясь, что это Бальдр, прекраснейший из богов, но это были ноги Нйорда. Комментаторы высказывают самые различные предположения, почему у Нйорда ноги оказались красивее, чем у Бальдра. Толкиновский комментарий, что великанша выбрала Нйорда, потому что у него были чистые ноги («это так удобно дома»), разумеется, шутка. Однако один из коллег Толкина в Лидсе, И. В. Гордон, в примечаниях к своему «Введению в старонорвежский» (1927), благодаря Толкина за советы, упоминает, что у Нйорда были самые чистые ноги, потому что он был морским богом (надо полагать, он имеет в виду, что тот регулярно их мыл).

52

Персонаж из «Тысячи и одной ночи», которого встречает потерпевший крушение в пятом путешествии Синдбад — мореход. Старик просит, чтобы тот перенес его через реку, и Синдбад соглашается, но затем оказывается, что он не может снять Старика со спины. Синдбад освобождается, напоив Старика допьяна и убив его камнем.

53

Род мины, плавающей в воде, во время Первой мировой войны. Ее шиловидные кнопки срабатывали в качестве детонаторов. (Очевидно, Старик — из — моря пытался заставить одну из мин «понести» его.)

54

Яйцо в детском стишке. «Вся королевская конница и вся королевская рать» не могут его собрать после того, как оно разбилось.

55

Британия, «правящая волнами» в популярной песне, являющаяся символом Великобритании, обычно изображается как сидящая женщина со щитом, трезубцем («вилка для рыбных блюд») и львом. Печатается на британских монетах и медалях со времен правления Чарльза II.

56

Буквально: не забывай произносить первую букву имени «Псаматос». Однако, поскольку история началась с того, что Роверандом не сказал Артаксерксу «пожалуйста» (*please*), а в английском существует выражение «не забывать свои «Пс» и «Кс»» (то есть «пожалуйста» и «спасибо», *please and thanks*. — Прим. пер.), то Человек — на — Луне делает из этого шутку.

57

В то время в газетах не было цветных фотографий. Название газеты «Иллюстрированная еженедельная прополка водорослей» в списке подводных газет является переделкой названия «Иллюстрированные лондонские новости».

58

Pot and jam him — «*pot*» — горшок, банка; также — жаргонное сокращение от выражения «*to shoot or kill for the pot*», означающего «подстрелить». «*To jam*» — жаргонное выражение, означающее «повесить».

59

На жаргоне китобоев *a right whale* означает «правильный, верный», «тот самый, на которого стоит охотиться» — т. е. кит вида *Balaenidae,* легко добываемый и богатый китовой костью.

60

Отсылка к прозвищу прославленного английского политика и премьер — министра, лорда Палмерстона (1784–1865).

61

Буквально, разумеется, собака, но одновременно на сленге — «моряк» («морской пес»).

62

limpets — род морских улиток, плотно прилепляющихся к скалам; также — «чиновники, о которых полагают, что они излишни, но которые цепко держатся за свои места». (Оксфордский словарь английского языка).

63

В самом раннем варианте текста пассаж, предшествующий данной фразе, включает еще одну, проясняющую ее смысл: «Артаксеркс был по — своему действительно хорошим магом — из семейства трюкачей — фокусников (а иначе Ровер никогда бы не попал во все эти приключения)». В своем эссе «О волшебных историях» (впервые опубликованном в 1947 году) Толкин писал о «трюках высокого класса» пренебрежительно — как о противоположности подлинной магии (которой обладают Псаматос и Человек — на — Луне).

64

История морского пса частично взята из саги XIII в. об Олафе Триггвасоне, содержащейся в «Хеймскрингла» Снорри Стурулсона. В этой саге Олаф Триггвасон, король Норвегии, правивший в 995—1000 годах, терпит поражение в морской битве и прыгает в воду со своего знаменитого корабля «Длинный Змей» (или «Длинный Червь»). Однако легенда говорит, что он не утонул, а плыл, пока не спасся, и впоследствии окончил жизнь монахом в Греции или Сирии (по еще одной из версий — в монастыре на острове Валаам в Ладожском озере. — Прим. пер.) В рукописи «Роверандома» корабль действительно называется «Длинный Червь». Толкин упоминает это имя корабля короля Олафа и в лекции о драконах, которую он прочел в январе 1938 года в оксфордском университетском музее. Кстати сказать, у короля Олафа была знаменитая собака по кличке Вайг, которая умерла от тоски, когда он пропал.

65

Согласно легендам, русалки, пленяя душу смертного, стремятся утянуть его в море. Толкин различает «золотоволосых русалок» и «темноволосых сирен» — их мифологических предшественниц.

66

Группа островов у северного побережья Шотландии, освоенных викингами в VIII–XIX вв. и присоединенных к Шотландии в 1476 году.

67

Действительно, все названия, приводимые морским псом, принадлежат местам на или в Тихом океане: Япония, Гонолулу (Гавайи), Манила (Филиппины), Остров Пасхи (к востоку от Перу), остров Четверга (северная оконечность Австралии), Владивосток (Россия).

68

В результате подводного извержения в Эгейском море в августе 1925 года, за месяц до того, как был впервые рассказан «Роверандом», возник остров Санторин.

69

В самом раннем варианте текста говорится, что Роверандом «не знал, что, покуда на нем лежало сильнейшее заклятье Артаксеркса, волшебник больше не мог воздействовать на него», однако это не имеет смысла, поскольку Артаксеркс уже второй раз заколдовал Роверандома, превратив его в морского пса. «…в Клубящийся Котел» — *to go to pot* — означает быть уничтоженным, сокрушенным. Однако, поскольку дальше в истории говорится о том, что Котел — это одна из двух пещер, могущих вместить великого Морского Змея, Толкин, возможно, подразумевал один северный диалект, на котором «*pot*» означает «глубокая дыра», «пропасть», «адский провал».

70

В раннем тексте: «Кит взял их с собой в Залив Волшебной Страны позади Магических Островов, и они увидели далеко на западе берега Волшебной Страны, и горы Последней Земли, и свет Волшебной Земли над волнами». В толкиновской мифологии Моря Смутных Отражений (Теневые) и Магические острова скрывают и охраняют Аман (Прародину Эльфов и жилище Валаров, Богов) от остального мира. Прекрасная иллюстрация к этой географии от 1930–х годов содержится в толкиновской «Амбарканте» («Сложение Среднеземья»: The Shaping of Middle — earth).

71

В ранних черновиках Толкин называл их «обычные земли».

72

То есть интенсивно употреблял алкоголь.

73

Ссылка на Змея Мидгарда («мидгард» буквально — среднеземье — Прим. пер.) из норвежской мифологии, который свивает свои кольца вокруг мира. Ср. также с Левиафаном из Книги Иова, 41 («Когда он поднимается, могучие трепещут…»).

74

autothalassic — проистекающий из моря. Перечисление от «изначальный» («предначальный», «предвечный») до «придурок» («тупица») является сводом заключений средневековых ученых о морских змеях и реминисценцией комментария, сделанного Толкином в его лекции 1936 года «Чудовища и критики» по поводу «целого вавилона конфликтующих мнений» о «Беовульфе».

75

Надо полагать, имеется в виду Атлантида, так как упоминаемая фраза присутствует уже в раннем тексте «Роверандома», относящемся к 1927 году, когда в толкиновской мифологии еще не существовал затонувший остров с государством Нуменор.

76

Ср. «Фермер Джайлс из Хэма»: «[Гарм] оказывается налетел прямо на хвост Хризофилакса Дайвза, который только что приземлился. Никогда еще ни одна собака не мчалась домой, задрав хвост, с такой скоростью, как Гарм» (Джон Р.Р. Толкин «Лист работы Мелкина» и другие волшебные сказки. М.: РИФ. 1991. С. 197).

77

Игра на пословице «даже червь повернется» (т. е. даже слабейшее из созданий повернется к своим мучителям, будучи вынужденным к этому), которая здесь приложима к могучему Морскому Змею буквально. В англосаксонской и норвежской мифологии «червь» (*wyrm*; англ. *worm*) было общим названием для драконов и змей.

78

by the skin of their feet… ссылка на перепончатые лапы псов; также игра на выражении из английской пословицы «ценой своих зубов» (*skeen of their teeth*).

79

Здесь Толкин вспоминает древний философский символ вечности, единства и обновления всего сущего, в форме змеи, свернувшейся кольцом и поглощающей свой собственный хвост — *ouroboros*.

80

Толкин, похоже, подразумевает, что рыбы были превращены магией Артаксеркса в создания не совсем морские (так как сам Артаксеркс не принадлежит морю); однако большинство из этих животных действительно являются морской фауной.

81

Большое кресло на колесах, используемое для купания инвалидов.

82

Тринадцать абзацев, следующих за просьбой Роверандома, были в значительной степени дополнены во втором варианте текста. В ранней версии волшебник просто «подцепил Роверандома и, трижды повернув его, сказал: «*Благодарю вас, это замечательно!*» — и Роверандом обнаружил, что он снова такой, каким был всегда до того, как встретил впервые Артаксеркса тем утром на лужайке». Однако такая легкость характеризовала бы Артаксеркса как нечто большее, нежели «трюкача».

83

Американское *rock candy* — карамель в форме батончика, обычно продаваемая на английских морских курортах. Наиболее типичный вид: внутри — белая, внешний слой тонкий, липкий, розовый; и часто белая начинка внутри конфеты составляет буквы имени владельца курорта (возможно, в данном случае имя «Пам»).

84

В 1920–х годах, когда писался «Роверандом», в целях благопристойности купальщик заходил в вагончик через дверь со стороны берега, переодевался внутри и через другую дверь выплывал в море.

85

На всем протяжении повествования в «Роверандоме» Толкин время от времени находит возможность продемонстрировать свое отношение к загрязнению окружающей среды и последствиям цивилизации. Человек на вершине Сноудона был из тех, что плюют на соблюдение чистоты в общественных местах; мазут вызывал у Нйорда ужасный кашель; преображение Артаксеркса в «хорошего» подчеркивается тем, что он прибирает весь тот «свинарник», который оставляют на берегу его посетители. Уличное движение во времена «Роверандома» было значительно меньше, чем сегодня, но, по ощущению Толкина, и этого было более чем достаточно. Ср. с его поэмой «Прогресс в городке Бимбл» (опубликована в 1931 году), в которой, согласно выводам биографа Толкина Х. Карпентера, отражены чувства Толкина по отношению к Файли после посещения этого памятного ему места в 1922 году. В городке Бимбл он видит сквозь витрину:

«сигареты и жевательную резинку (завернутые в обертку, уложенные в пачки специально, чтобы ими можно было сорить на траве и на берегу); шумные гаражи, где мрачные люди трудятся в поте лица, гремят и орут, а машины гудят, а огни вспыхивают, — и так всю ночь: веселенькое дело! Иногда (но редко) сквозь весь этот гам слышны крики мальчишек; иногда в позднее время, когда мимо не проносятся с грохотом мотоциклы, можно услышать (если только очень захотеть), как спокойно плещет у берега море. Плещет обо что? О сбившиеся в груду апельсиновые корки и громоздящиеся банановые шкурки; размачивая бумагу, пытаясь переварить кашу из бутылок, пакетов, жестянок, покуда не пришел новый день, с новыми бутылками и жестянками, пока утренние автобусы, остановившись у дверей старенькой гостиницы, не вывалили наружу с вонью и громыханьем, гиканьем и лязгом еще большее количество людей, Богзнаетоткуда и Невестьзачем приехавших в городок Бимбл, где с головой погрязшая во всем этом улица что некогда была прекрасной, шатается и падает вместе со всеми своими домами».